

ВЯЧЕСЛАВ СОФРОНОВ

СИБИРИАДА

СИБИРСКИЙ КОВЧЕГ
МЕНДЕЛЕЕВЫХ

Сибириада

Вячеслав Софронов

Сибирский ковчег Менделеевых

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

Софронов В. Ю.

Сибирский ковчег Менделеевых / В. Ю. Софронов — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-4133-2

Начало XIX века. Прибывший в Тобольск из Петербурга по указанию графа Аракчеева вчерашний выпускник педагогического института Иван Менделеев, будущий отец знаменитого ученого, устраивается на новом месте службы и, проявляя чудеса сообразительности, не только участвует в поимке разбойников и помогает в расследовании запутанных уголовных дел, но и знакомится с прекрасной Марией Дмитриевной, которая вскоре становится его невестой. Новый роман известного сибирского писателя, уроженца города Тобольска, доктора исторических наук, лауреата ряда литературных премий.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4484-4133-2

© Софронов В. Ю., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

К читателю	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвертая	18
Глава пятая	21
Глава шестая	25
Глава седьмая	30
Глава восьмая	35
Глава девятая	41
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	49
Глава двенадцатая	53
Глава тринадцатая	57
Глава четырнадцатая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

СИБИРИАДА

Вячеслав Софронов
Сибирский ковчег Менделеевых

© Софронов В.Ю., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

К читателю

Данный роман-реконструкция о семействе Менделеевых и их пребывании в Тобольске не является доскональным воспроизведением фактов, известных из дошедших до нас документов. В то же время автор предельно придерживался хронологии, описывая те или иные события в жанре исторического повествования, где вполне допустим авторский вымысел, что никак не влияет на изложение происходящих событий.

Часть первая

Пора надежд, пора свершений...

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине...

Кор. 13: 4–7.

Глава первая

На занесенной снегом станции, служащей последней остановкой для смены лошадей перед губернским Тобольском, со странным нерусским названием Карачино второй день сидели два вчерашних выпускника Петербургского педагогического института: Иван Менделеев и Семен Гаревский. Смотритель упорно не замечал их, делая вид, будто их вообще не существует в природе и лошадей не давал. Однако другим проезжающим, более солидного вида и в богатом одеянии, супруга его беспрекословно несла самовар, а к нему баранки или пироги с начинкой из сибирской рыбы, от которых шел сногсшибательный запах. А вчерашние студенты, у которых денег осталось лишь на последний перегон до города, оставались голодными и не решались потребовать угощения для себя. Однако всему бывает предел и, наконец, более солидный из них Гаревский встал, прочистил грудь громким покашливанием и решительно направился в комнатуху, где за ситцевой занавеской находился смотритель. Он несколько минут постоял, прежде чем решиться войти, а потом рванул занавеску на себя и шагнул внутрь, откуда тут же раздался его могучий бас:

– До каких пор... мы будем пресмыкаться перед вами, словно ваши крепостные мужики?

– А у нас в Сибири нет крепостных. Как вы изволили заметить, вообще не бывает, – тут же пояснил, ничуть не смутившись, смотритель.

– Мне все равно, есть они или нет, но мы выпускники Императорского университета и не потерпим подобного с нами обращения!

– Вы мне угрожать изволите? – с хитрецою в голосе переспросил его тот, – у нас и не такие особы проезжают и все грозятся, а толку с того пшик. Вот и вы не хотите ждать своей очереди. А она у вас двенадцатая по счету. Вы чин-то какой имеете, поди, самый наинизший? Меня не проведешь. Вот и ждите своей очереди. Остальные же господа, имеющие чин повыше вашего, получают лошадей согласно разряду и правилам, изданным еще при Павле Петровиче, чего я неукоснительно и придерживаюсь. Еще какие-то вопросы имеете задать? Тогда ступайте обратно и ждите своей очередности... Пристыженный Гаревский чуть помялся и с пунцовым лицом вышел в людскую, не зная как ему быть. Но тут уже поднялся со своего места его спутник, порылся в походном саквояже и достал оттуда свернутый в трубочку лист дорогой александровской бумаги, после чего направился в ту же комнатенку, где кинул на стол перед смотрителем свой документ, произнеся всего лишь одно слово:

– Глянь...

Тот нерешительно подержал в руках предъявленный ему документ и развернул. Начал негромко читать:

– Грамота сия выдана учителю Ивану Павлову Менделееву с тем, чтобы в пути он не испытывал никаких затруднений и трудностей, а всем, кому требуется, решительно оказывали подателю сей грамоты помощь и всяческое содействие. Подпись: граф Аракчеев. Что же вы сразу не предъявили документ свой? Это же меняет дело, граф Аракчеев – человек известный,

второй после самого государя, а потому мы изволим тут же исполнять все его предписания. Сейчас будет вам тройка, как по штату и положено.

Произнеся свое заключение, он тут же стремглав помчался вон и через какое-то время у крыльца раздался звон колокольчиков и лошадиное ржание. Затем в дверь просунулась голова смотрителя с притворной улыбкой, и он заискивающе предложил:

– Лошади у крыльца, прошу пройти, ваше благородие.

Уже сев в сани, Гаревский спросил Менделеева:

– Он, что же, с нас даже денег не попросил?

– Принял нас за высоких особ, потому и не взял. Побоялся...

– Что же ты ему такое сказал, что до испуга его довел?

– Есть у меня одна бумага за подписью графа Аракчеева. Они его все как огня боятся.

Вот и вся премудрость.

– Аракчеева? – переспросил с удивлением Гаревский. – Он что, тебе знаком или подделал подпись?

– Зачем подделывать, сам граф собственноручно подписал. – Менделеев похлопал по своему саквою.

– Когда же ты с ним познакомиться успел?

– Да он наш земляк. Так уж вышло, что батюшка мой его грамоте учил. А мне граф своих детей поручил, отчего я отказаться не посмел.

– Платил хоть за уроки те? – видно, интерес Гаревского к личности Аракчеева не угасал.

– Платил, – кивнул Менделеев, – хоть мало, но платил. Вот и все знакомство. Ты лучше по сторонам глянь, такая красотища. Вон вроде и город мелькнул, да опять деревья пошли...

Однако Гаревский сидел насупившись, то ли никак не в силах осознать причину знакомства своего попутчика с графом, то ли переживая свое бессилие перед смотрителем. Тем временем вокруг действительно проплывали припорошенные снегом красавицы сосны со стройными, как корабельная мачта, стволами и шапкой мохнатых ветвей на макушке. Других деревьев видно не было.

Близился вечер, солнце клонилось к закату, и его лучи били прямо в глаза путникам. Ямщик впереди них вроде как пел, а может, просто бормотал что-то себе под нос, не обращая внимания на вчерашних студентов, о чем говорили их поношенные шинельки с эмблемой учительского института. Те вскоре тоже замолчали и начали подремывать. Однако спать долго им не пришлось, и на очередном ухабе они дружно открыли глаза, уставившись друг на друга.

– Далеко ли еще до города? – поинтересовался Гаревский, ткнув ямщика кулаком в спину.

– Скоро будем, – успокоил тот его, не оборачиваясь, – поспите еще. Как до Тобольска доберемся, непременно разбужу.

– Поспишь тут, – недовольно пробурчал Гаревский, – дороги у вас в рывтинах все. Поди никто не следит...

– Так некому, – пояснил тот, – наши мужики этому делу не обучены, а воинской команды давно не было. Раньше каторжников пригоняли, а ноне губернатор распорядился дальше городских ворот их не пускать, чтобы соблазна к побегу не было.

– А много в городе каторжников?

– Хватает...

И на этом разговор вновь прервался. Они уже проехали сосновый бор и какую-то деревеньку о трех домах. Дальше пошел березняк, местами вырубленный, и через лесные вырубki, называемые прогалами, перед приезжими открывался вид на городские постройки, словно парящие в воздухе. Видна была высоченная колокольня с золоченым куполом, а рядом пятиглавый собор. А перед ними высилась каменная стена с зубцами поверху. Увиденное их поразило, и тут уже Менделеев высказал свое предположение:

– Никак мираж или видение. Никогда раньше не видел, чтобы город на воздушных парусах предстал. Но о миражах читал, они в пустынях обычно встречаются, а тут им откуда взяться, не могу понять.

– Так он на горе стоит, город-то Тобольск, – пояснил ямщик, – а приезжим чудится, будто и впрямь на воздушных парусах парит. Не вы первый обманывается.

– Вон оно что, а я думал мираж...

– О таком мы сроду не слыхивали, – засмеялся ямщик, – наговорите всякого, только меня в смущение приводите речами своими. У нас все по-простому, как везде на Руси, хотя и Сибирь.

– А год-то нонче который? – поинтересовался Гаревский. – А то мы в дороге который день, со счету сбились. Слышали, будто бы новый год уже наступил.

– Так оно и есть, нонче другой год – восемьсот восьмой, – согласился ямщик.

– Ну вот, выехали в один год, а приедем уже в другой, – ни к кому не обращаясь, обронил Гаревский.

Какое-то время они опять ехали густым березняком, попались две крутые горки и такие же подъемы. Кони сбавили шаг, шли медленно, испуганно поводя головами и пофыркивая.

– Никак волки близко, – пояснил ямщик, – каждую зиму подле дорог обитают. Тут зевать никак нельзя. Выскочат, тогда от них не отобьешься, коней погрызут. Ух, твари подлые.

– То им божье наказание, – высказал свое предположение Менделеев.

– За что же им так-то?

– А все за грехи тяжкие, хотя говорят, будто бы волчица двух мальчиков вскормила, а они Рим основали. Только теперь это – город грехов и по всей земле тем славится.

– Ты уж скажешь, Ванечка, – не согласился Гаревский, – там, как-никак, сам папа Римский проживает.

– Вот он и есть самый наипервейший грешник, потому как наше православие отринул и своей собственной веры придерживается, а то – главный его грех.

– Тебя, Ванечка, послушать, так всех кругом в грешники отпишешь. А сам-то как?

– А я как все – не без греха, но молюсь каждодневно.

Гаревский только отмахнулся и ничего не ответил. Какое-то время они опять ехали молча, пока не кончился березняк и перед ними не предстал во всем своем величии стольный град Тобольск.

– Ух ты, – не сдержали оба своего восхищения, – действительно стольный град. Как есть красавец...

Солнце, словно по заказу, осветило позолоченные купола, и тысяча лучиков заиграли вокруг, образуя изумрудную корону, как бы подчеркивая тем самым царственное предназначение открывшегося перед ними зрелища.

В то же время в городских контурах просматривалась простота человеческого замысла и одновременно мастерство строителей, сумевших создать нечто неповторимое, и притом для глаза людского привычное. Потому выглядел Тобольск не как иные увиденные путниками городские строения, а как нечто непохожее на все остальные строения. Потому не было ни одного равнодушного человека, который в изумлении не поцокал бы языком, наслаждаясь увиденным.

Напрашивалось сравнение города с елочными игрушками, создаваемыми умельцами-стеклодувами для новогодних елок. Но когда приближаешься к переправе через Иртыш и видишь Тобольск более четко и в полном объеме, то понимаешь, что это не так. И невольно возникают мысли о его древности и многих перенесенных им испытаниях, что воистину является правдой.

Тобольск за долгие годы своей жизни пережил около десятка больших и малых пожаров, а наводнения при полном затоплении всего нижнего города случались чуть не ежегодно. И

никто тому не мог воспрепятствовать, кроме матушки-природы, которая к человеческой воле почему-то не желала прислушиваться, а поступала наперекор ей, как той самой заблагорассудится.

Переехали через Иртыш уже в сумерках, и, пока тащились до нижней части города, незаметно подкралась ночь, и небо озарилось мерцанием тысячи больших и малых звезд. Их слабый свет позволял различить силуэты домов и дорогу, по которой они пробирались между вросшими в землю домишками к постоялому двору, где ямщики высаживали своих седоков и тотчас возвращались обратно.

Глава вторая

Когда они в растерянности ступили на землю и огляделись вокруг в поисках человека, знавшего ближайшую дорогу до гимназии, то никого не обнаружили. Переглянулись друг с другом, не зная, как поступить, но тут, на их счастье, из темноты возник закутанный по самые глаза бабьим платком полицейский с неизменной пашкой на боку и грозно спросил их:

– Кто такие будете? Откуда прибыли? Надолго ли к нам? Никак студенты, погляжу.

И они действительно растерялись, не зная, как отвечать. Наконец Гаревский, опять чуть покашляв и собравшись с мыслями, робко заявил:

– Никак нет, ваше превосходительство. Уже не студенты – учителя. К вам же в гимназию направлены. Не изволите указать нам дорогу, а то мы в затруднении...

Полицейский, несмотря на свой грозный вид, громко расхохотался и из-под платка вылезли его рыжие усы и здоровые, блеснувшие в темноте зубы.

– Дорога тут одна будет, никак не ошибетесь, господа учителя, – указал он им взмахом руки, – только уж больно вы в шинельках своих на студентов смахиваете. Да и значки у вас сами за себя говорят, но то не беда. Разбогатеете, шубами обзаведетесь, тогда будем вас за иных принимать, а пока все одно, студенты.

А те стояли в растерянности. Не зная, то ли обижаться на его слова, то ли принять как должное.

– А вот проводить вас никак не выйдет. У нас тут чуть ли не на моих глазах купеческий лабаз обокрали, а потому следует мне к поискам того воришки приступить и на иные заботы не тратить.

Услышавший это Менделеев переспросил его:

– И много унесли товара?

– Да порядочно, – крикнул тот, – а чего вдруг интерес у вас к случившемуся? Никак видели кого? Тогда пособи́те, благодарны будем.

– Никак нет, видеть не довелось, но помощь оказать могу. Приходилось участвовать, – пояснил Менделеев.

– Так вы, господин студент, выходит, еще и в сыском деле сильны? – удивился страж порядка. – Тогда прошу вас, покажу все как есть.

И они скрылись в темноте, оставив Гаревского в полном одиночестве. Тот, немного постояв, подхватил свои вещи и направился по дороге через горбатый мост, а там мимо древней церкви, обнесенной ажурной оградой, давшей трещину во многих местах, откуда произрастали побеги диких трав, ныне увядшие от сибирских морозов. Он отметил это про себя в качестве ориентира для будущих прогулок и смело зашагал к высившейся на другой стороне громаде с греческими колоннами и выступающим над ними небольшим балкончиком, слегка освещенным тускло горевшими факелами.

При этом он размышлял, что жизнь и нравы сибирские мало чем отличаются от уже увиденного им ранее. А значит, люди здесь живут так же, как везде в России. Это его успокоило, и он спокойно добрался до гимназической сторожки, стоявшей во дворе. На его стук вышел сторож на одной ноге с деревянной культей вместо другой, привязанной к обрубку ноги, и грубо поинтересовался, чего тому надобно. Гаревский ответил, и тогда сторож указал на другое здание, глухо пояснив:

– Там вас комнатущечка ждет. А дрова для печки во дворе уж сами найдете.

– Благодарствую, – кивнул ему Гаревский и смело зашагал навстречу неизвестному.

...Тем временем Менделеев под руководством полицейского осматривал место кражи. При этом рыжеусый полицейский подсвечивал ему свечой, помещенной в жестяной фонарь со вставленным стеклом. Вот только свечка горела тускло, а потому различить что-либо было

просто невозможно, и приходилось догадываться, помогая себе при помощи пальцев. Первым ему под руку попал выдернутый из скобы и брошенный тут же на землю замок, тогда как двери лабаза были аккуратно прикрыты, чтобы никто не обратил внимания на следы взлома. Лишь благодаря опыту пожилого полицейского кража была обнаружена едва ли не сразу после ее совершения.

Менделеев, опустившись на колени, склонил голову к самой земле и пытался разглядеть следы подкованных сапог среди множества отпечатков, оставленных побывавшими здесь до них людьми.

– И что там нашли, господин студент? – спросил его насмешливо полицейский, глядя сверху вниз на ползающего Ивана Павловича.

– Снег давно выпал?

– Да, можно сказать, перед вами подсыпало чуть. А чего видно, говори.

– То и видно, что тащили на себе что-то тяжелое, потому следы воришки этого глубже впечатались, чем все остальные. Что взяли, коль воришки нагрузились так?

– Да как тебе сказать, скобяной товар: подковы, скобы строительные, гвозди кованые. Одним словом, железки всяческие. Но, верно мыслишь, всего пуда два, по моей прикидке, а там как знать, у хозяина надо спрашивать. Только, думается, и он точного веса знать не будет. Это же все перевешивать надо да вычитать украденное. Вот тогда поймешь. Только я тебе так скажу, никто этим заниматься не станет – у них других забот полный рот. Надо запор новый искать, охрану ставить, потому как по старому следу да новые гости могут пожаловать. А где ты сейчас охрану сыщешь, да к тому же честную и непьющую? Таких и в столице не найти. Так говорю, ваше учительское благородие?

Иван не обиделся на очередную шутку полицейского, а поднялся с колен, стряхнул снег со штанин и предложил:

– А не пойти ли нам по тем самым следам до того места, где логово крадуна нашего откроется?

– Верно говоришь, верно. Так и сделаем. То мне не впервой искать подлецов тех. Глядишь, пойдем вдвоем, да и вора вмиг найдем.

Иван уже перестал удивляться шуткам и прибауткам полицейского чина, что он считал несвойственным для их брата. Но вот тут, в Сибири, наверно, все иначе, и, как ни крути, а встречаются веселые полицейские, каковых в столицах ему знать не доводилось. Там были больше все строгие и надменные служители закона в полицейской форме и с простым народом долго не разговаривали, а тут же, надавав взащей, посылали куда следует.

Но вслух ничего не сказал, считая, что не время говорить об этом. И они тут же отправились по впечатывавшимся в снег следам с подковкой, напрямик к реке, а дальше по льду на другую сторону. И вскоре они остановились у выкопанной в береговом обрыве пещерке, заставленной досками от чьего-то забора, где через щели меж досками видны были языки пламени от зажженного костерка.

– Ты, что ли, там, Карась? – громко крикнул полицейский и шашкой ткнул в одну из досок. – Не устал награбленное-то на себе переть? Давай выходи, пока я добрый...

– Ты что ли, Петрович? – послышался сиплый, явно простуженный голос из пещеры. – Лучше вы к нам, чем я к вам. То всегда успеется...

– Да ты, Карась, твою мать и всю ее родню, хоть знаешь, чей лабаз грабанул?

– А зачем мне знать? Вот ты мне, глядишь, все и выскажешь... Верно говорю?

– Так то ж самого купца Селиванова! Или думаешь, он тебя в совестной суд пригласит? Не дождешься. Вокруг него такие ухари хаживают, они тебя, и глазом моргнуть не успеешь, до ближайшей проруби доволокут, и моли бога, чтоб крестное знамение дали на себя наложить, а там поплывешь подо льдом не знамо куда, и никто тебя вовек не сыщет. Да, честно сказать, и искать не станут. Лучше айда со мной в участок, глядишь, так и мне, и тебе спокойней будет.

И мешок с железками крадеными, что в углу припрятал, захвати с собой. Может, тогда все и обойдется. Ну, решай, я вовнутрь не полезу, не потому, что боюсь, а перепачкаться в копоти не желаю. А коль ерепениться станешь, сейчас свистну, казачки, что в дозоре, прискачут и тебя пиками достанут. Тогда поздно будет, они за магарыч точнехонько Селиванову на тебя донесут, гляди, а то пожалеешь.

Обитатель пещеры для вида поскреб затылок под шапкой и несмело шагнул наружу, привычным движением заложил руки за спину и обреченно произнес:

– Веди уж, что ли, Петрович...

Он был невысокого роста, заросший бородой по самые глаза, и лишь вызывал удивление его большой вздутый живот, неестественно выпиравший из-под овчинной шубейки.

Иван Павлович почему-то смотрел не на него, но потом, не желая тянуть время, круто развернулся и зашагал по той же тропинке обратно к противоположному берегу. Следом шел пойманный ими разбойник с закинутыми назад руками, а позади – полицейский с побрякивающими в мешке украденными железками на его широком плече. Дойдя до постоянного двора, они остановились, чтобы отдышаться, и Менделеев спросил стража порядка, по какой именно улице ему идти дальше к гимназии. Тот, отдуваясь, указал направление и добавил:

– Да нам пока что дорожка вместе лежит, а там я поверну к участку, а гимназию оттуда вы сами увидите, до нее рукой будет подать.

Прощаясь на перекрестке, Менделеев не выдержал и, отойдя чуть в сторону, спросил полицейского:

– Скажите, а за что его прозвали Карасем?

Тот в ответ расхохотался и пояснил:

– Ты его пузо видел? Оно, как и у Карася, всегда икряное. Любого вспорешь и обязательно икра найдется. Так и у этого разбойника пузо вздутое. Потому и прозвание ему такое дали. Я его уже раз пять, а то и больше ловил. Так-то он смирный. А как становится жрать нечего, то крадет для пропитания потихоньку там, где плохо лежит.

– И сейчас отпустите?

– А что с ним делать? За такие дела в тюрьму не сажают, а у нас в участке еды на него не припасено. Тем паче железки эти я сейчас обратно в лабаз снесу, так что купцу придется всего лишь замок поменять, да чего покрепче на двери повесить. А лучше будет, коль они доброго караульного сыщут, вот и все дела. Ну, прощай, господин учитель, может, и свидимся еще...

И он вместе с задержанным отправился к освещенному полицейскому участку, а Менделеев направился к зданию гимназии, видному издалека.

По дороге ему попался осанистый двухэтажный особняк в два этажа по пять окон в каждом, и лишь одно из них было освещено. Проходя мимо, он на ходу подумал, что, наверно, занимают его состоятельные люди, и не мог удержаться, чтоб не пообещать себе, если все сложится удачно, то приобрести для будущей семьи точно такой же дом. По примеру своих родителей он мечтал со временем тоже обзавестись большой семьей, чтобы в доме всегда слышались детские голоса, было бы весело и шумно. Иначе, думал он, какая же это жизнь без детей, вызывающая лишь тоску и уныние. При этом даже не подозревал, что всего лишь через год дом этот станет для него родным и близким и жена его будет рожать чуть не каждый год, а потому они вскоре обзаведутся многочисленным семейством и все желания его исполнятся.

А тот двухэтажный особняк, построенный сравнительно недавно, после большого пожара принадлежал почтенному семейству купцов Корнильевых. Правда, за последние годы они растеряли свой капитал, со смертью главы семейства и всем в доме управляла оставшаяся после него вдова Марфа Ивановна, в том числе немалым числом дворни под два десятка душ. То были приписные крестьяне со стекольной фабрики, большую часть которых после остановки производства она сочла за лучшее забрать в город, где они вели под ее приглядом мелкую торговлю.

Само семейство Корнильевых, не считая вышедших замуж дочек, состояло из находившихся при ней двух ее великовозрастных сыновей: Дмитрия и Якова. Причем жена первого не так давно скончалась после родов, оставив ему двух мальчиков-подростков и дочь Марию. Преждевременная смерть любимой супруги тяжело сказалась на здоровье Дмитрия Васильевича: он надолго слег, долго болел и в результате потерял память, хотя, как можно было предположить, рассудка окончательно не лишился, но вот только ни к каким торговым или коммерческим делам стал не способен. После смерти супруги он так и не женился, и его трое детей жили вместе с многочисленным семейством Корнильевых, где всеми делами управляла, несмотря на почтенный возраст, вдовствующая Марфа Ивановна.

Еще с ними проживала жена младшего сына Якова – Агриппина Степановна, вышедшая повторно замуж за младшего Якова Корнильева. А ее первый муж, сосланный в Сибирь за своеволие и дерзость, лишившийся дворянства Наум Чеглоков, благополучно скончался в одном из своих имений, едва отбыв сибирскую ссылку. Детей у них не было, и, судя по всему, появления на свет младенца после брака с Яковым тоже не предвиделось.

Глава третья

На другое утро Менделеев, встретившись с Гаревским, обменялись приветствиями, после чего последний поинтересовался у Ивана Павловича:

– Чем закончился ваш розыск? Жаль, что я в том не участвовал, хотелось бы посмотреть и поближе познакомиться с местными обычаями.

– Да ничего интересного, обычаи как везде: крадут, их ловят, а потом или отпускают, или на каторгу.

– Даже так? Но воришку-то вы, как понимаю, нашли? Не подозревал, что у вас имеются способности к сыску. Грязное дело, я вам доложу, водить дружбу с будущниками да урядниками. То же самое, что полового из трактира к себе в гости пригласить. Надеюсь, вы того же мнения?

– При чем тут мое мнение? Если у вас что похитят, куда обратитесь? К предводителю дворянства или к городовому?

Этот вопрос поставил Гаревского в явное замешательство, и он ответил на него довольно неопределенно:

– Смотря по обстоятельствам, а лучше всего не зевать, тогда и все на месте будет. Но меня интересует другое: где вы приобрели свои навыки в сыске?

– Долго рассказывать, – ответил Иван Павлович, – одно скажу, не терплю воришек и всех, кто чужим добром поживиться хочет. У меня когда-то отца обокрали, несмотря на его священнический сан. Воришка приезжим оказался, каялся потом, будто бы не знал, в чей дом залез. Вот тогда я, еще будучи человеком молодым и неопытным, в скором времени нашел воришку и сдал его в участок. А уж потом ко мне односельчане обращаться начали то с одним делом, то с другим. Вот и весь мой навык...

– Понятно, – кивнул головой Гаревский, – жизнь, она всему научит. А меня бог вот как-то миловал. С кражами или там разбоем пока что сталкиваться не приходилось. Потому и интересно, как этот самый розыск ведется...

– Вы же сами сказали: жизнь, она всему научит, главное, спешить не стоит, оно все само придет, – с улыбкой ответил ему Менделеев.

– Вы, как погляжу, еще и философ, – усмехнулся Гаревский, и они отправились на прием к директору гимназии.

Должность эту замещал прибалтийский барон Август Христианович Эйбен, о котором еще в Петербурге они слышали самые разные отзывы и сейчас шли, абсолютно не зная, как он их примет. На улице ощущался изрядный морозец. Снег громко поскрипывал под их сапогами, а звуки разносились далеко по округе, создавая в их воображении какой-то нереальный и сказочный образ города, в котором они очутились.

Барон Эйбен принял их в своем кабинете, сидя в кресле, обтянутом красным бархатом с кистями явно китайской выделки по краям. Он, откинувшись на спинку кресла, долго рассматривая молодых учителей через старомодный лорнет, а потом, отложив свой зрительный прибор, с расстановкой и заметным немецким выговором произнес:

– Весьма рад, господа, вашему прибытию. У нас как раз мало образованных учителей, но спешу предупредить, что старшие классы еще не открыты...

– Это что же получается, у вас тут не гимназия, а непонятно что? – разочарованно спросил разведя руки Гаревский.

– Не надо спешить, господа, не надо... Работы хватит всем, но в младших классах.

– Я согласен, ежели жалованье достойное, – тут же согласился Менделеев.

– Хорошо, очень хорошо, – благосклонно кивнул в его сторону барон.

– А я нет, – резко ответил Гаревский, – не для того я пять лет штаны протирал, чтоб подготовишек уму-разуму учить. Мне обещаны были уроки философии, логики и юриспруденции. А тут что оказалось? Нет, или я обратно вернусь, после того как прогонные получу, или дождусь, когда старшие классы откроют. До весны всего ничего осталось...

– Ваше право, ваше право, – сухо ответил ему директор, – а прогонные деньги вам ждать долго придется. Сейчас у меня в кассе пусто. К тому же вам должны были их в нашем министерстве выдать. Разве нет?

– Так оно и есть, – пожал плечами Гаревский, – только нам обещан был двойной расчет, как положено для всех, кого в Сибирь командировывают. А выдали только половину, сказали, будто остальное здесь получим.

– Э-э-э, нет, – замотал головой директор, – так быть не должно. Пишите в свое министерство, пусть думают...

Во время их краткого знакомства Иван Павлович успел заметить, что руки барона слегка подрагивают, слова он произносил невнятно, что, впрочем, можно было списать на его немецкое происхождение, но дряблая кожа с красными прожилками на бугристом носу и под глазами выдавали в нем человека, пристрастного к горячительным напиткам. Именно такие слухи о нем ходили среди профессоров учительского института, которые попадали туда неизвестно каким путем и от кого именно. Но в данном случае, как ни крути, те слухи оказались вполне достоверными, в чем он лично мог убедиться.

Изрядно вспотевшие в жарко натопленном кабинете, они вышли в коридор и ненадолго остановились, чтоб обменяться мнениями.

– И что скажете о нашем директоре? – поинтересовался, как наиболее нетерпеливый, Гаревский.

– Что тут можно сказать? – рассудительно отвечал Менделеев. – Всякая власть, как известно, от бога, а наше дело исполнять приказы лиц начальствующих.

– Завидую я вам, любезный Иван Павлович, я ожидал поддержки с вашей стороны, хотя бы слабого, но протеста. Тут сразу двойной обман: половину прогонных не выплатили. Это раз. И вместо гимназии мы очутились в обычном училище. Это два. Нет, обман, полнейший обман! Что молчите? Мы могли бы вдвоем написать жалобу самому министру...

– И что бы изменилось? Полгода, никак не меньше уйдет, пока рассмотрят нашу жалобу. И неизвестно, что и в чью пользу решат. Вы этого хотите? Нет, ситуацию надо принимать такой, какая она есть, а все ваши мечты и помыслы остались в Петербурге. Хотите обратно туда вернуться? Ваше право...

– Отец моей невесты вроде бы знаком со здешним губернатором, непременно отпишу ему, что здесь творится.

– Да будет вам известно, что наш директор никоим образом не подчиняется местному губернатору. Ведомства разные. Боюсь, как бы ваш будущий тесть не посмеялся над вами.

– Так что же делать? Неужели нет никакой управы на эту немецкую бестию? – чуть не в полный голос спросил Гаревский, чем тут же привлек внимание проходящих мимо воспитанников.

– Не спешите, голубчик, всему свое время. Дайте оглядеться, и, думается, мы найдем управу на господина директора, который, судя по всему, большой поклонник Бахуса.

– Вы тоже заметили? – схватил его за рукав Гаревский. – А я думал, что мне показалось, будто он слегка нетрезв.

– Все может быть. Половина России страдает этим пороком. Если всех начальников отправят в отставку, то кто останется?

– И что вы намерены делать? – не выпуская руку Менделеева из своей и заглядывая тому в глаза, настойчиво вопрошал Гаревский.

– Как что? Служить. Для чего мы сюда добирались столько верст? Иного выхода просто не вижу. А сейчас нам следует отправиться к инспектору и представиться ему по всей форме. И пожалуйста, отпустите рукав моего мундира, а то я плохо владею иголкой. Боюсь, как бы мне его зашивать не пришлось после вашей цепкой хватки.

Гаревский смутился, разжал пальцы, пролепетал что-то типа извинения, но Менделеев никак не ответил на это и твердым шагом направился по просторному коридору, а его коллега шел следом, не переставая удивляться природному оптимизму своего товарища.

Инспектором оказался сухонький, лет сорока мужчина в больших круглых очках, с поседшими усиками под носом. Он внимательно выслушал их и обещал сообщить Менделееву о времени, когда тому следует приходить на занятия. А потом глянул на прислонившегося к стене Гаревского и спросил:

– Вы, как понимаю, будете летнего набора ждать? Тогда всего вам доброго, не смею задерживать...

Глава четвертая

Уже через несколько дней Иван Павлович Менделеев с головой ушел в свои занятия, которые начинались с раннего утра и продолжались допоздна с перерывом на обеденное время. При гимназии в отдельном здании находилась собственная кухня, где готовили для состоящих на службе учителей и находящихся на полном обеспечении гимназистов. Но Ивана Павловича казенная пища не всегда устраивала, и он находил время заглянуть на местный рынок, где покупал свежее молоко, вяленую речную рыбу и ароматные пшеничные караваи. Купленные продукты он нес в свою комнату и вечерами подкреплялся, утоляя голод. Хуже всего было с чаем, к которому он привык с юношеских лет. Вместо него в обед давали клюквенный или брусничный сок. А в купеческих лавках, куда Менделеев обычно заглядывал, прессованный чайный брикетик стоил в два раза дороже, чем в том же Петербурге. Потому он с нетерпением ждал выплаты своего первого жалованья, в уме уже прикидывая, на что и куда он его истратит.

В воскресный день он посетил храм, находящийся поблизости, и обратил там внимание, что большинство прихожан были люди солидные, в дорогих шубах и собольих шапках. И на поднос они бросали серебряные, а не медные монеты, что уже говорило само за себя. Там же он заметил и выделил из числа других молодую стройную девушку с черными как смоль глазами, стоявшую отдельно от всех против иконы Успения Богородицы. Он хотел было подойти к ней поближе, но не осмелился, не зная, как она расценит его поступок. Но про себя решил, что обязательно найдет повод быть ей представленным.

Как-то в пасхальные дни, зайдя в учительскую, он услышал сообщение инспектора о том, что господ учителей приглашают на любительский концерт в Дом дворянского собрания. При этом инспектор тут же раздавал желающим небольшие билетки, отпечатанные на розовой бумаге, где были указаны день и время проведения концерта. Он зачем-то взял пару билетиков, хотя большого желания идти куда-либо не испытывал. Дело в том, что с разрешения директора он начал вести занятия по Закону Божьему, которых ранее не было. Поэтому приходилось засиживаться в библиотеке, подбирая книги с иллюстрациями, написанные языком, доступным для младших школьников.

Но когда он сообщил о концерте Гаревскому, с которым они теперь редко виделись, тот загорелся и взял с Менделеева слово, что они отправятся вместе. Тому не оставалось ничего другого, как дать свое согласие.

Дворянское собрание представляло собой деревянное сооружение, оштукатуренное снаружи, а изнутри обитое шелковой тканью с различными восточными узорами, что, по мнению Менделеева, больше подходило для женского будуара, но никак не для публичного помещения. Рядом с фойе находился зрительный зал примерно на сотню человек. Нашлось место и для раздевалки, и под буфетную. В фойе играл небольшой оркестр, и часть прибывших столпилась у колонн, слушая его. В буфете собрались одни мужчины, большинство из которых были в военной форме. Оба молодых учителя лишь только глянули на обозначенные там цены и, поняв, что они им не по карману, поспешно прошли в пока еще полупустой зрительный зал.

Вскоре один за другим раздались несколько звонков, возвещавших о начале представления. Зрители мигом заполнили зал, и среди вновь вошедших Менделеев обратил внимание на ту самую девушку, которую он заметил не так давно в храме. К сожалению, как он отметил для себя, она была с молодым человеком примерно одного с ней возраста. Вглядевшись, он узнал в нем одного из гимназистов старших классов, носящего фамилию, если он не ошибался, Корнильев.

В концерте участвовали в основном молодые ребята из семинарии, исполнявшие псалмы. Все они были одеты в одинаковую семинарскую форму, благодаря чему были похожи друг на друга – от белокурых ребят с курносими носами до черноволосых с удлиненными лицами

и острыми подбородками. Все это, так или иначе, говорило не только о том, что были они набраны из разных семей, но, вполне возможно, предки их когда-то перебрались в Сибирь из самых отдаленных российских уголков, не растеряв при том хотя бы внешне черты давно исчезнувших народов. А вот теперь здесь, в Сибири, они стали единой общностью, исповедующей православную веру, и вряд ли часто вспоминали о прежней своей родине.

Зато голоса будущих священников сливались воедино, выстраиваясь в общую мелодию с преобладанием дискантов. После них вышла группа девушек, исполнивших известные романсы, а потом последовала сценка все тех же семинаристов, где главный герой был царь Ирод и его многочисленные подданные. Им почему-то хлопали больше всех и даже раздали крики «браво», «бис». После чего был объявлен небольшой перерыв.

Выйдя в фойе, Менделеев с Гаревским столкнулись нос к носу с гимназистом Корнильевым и его спутницей. Тот, узнав своих учителей, поспешил им поклониться, а потом, преодолевая юношеское смущение, проговорил:

– Если не возражаете, то разрешите представить вам мою сестру Марию.

Находящееся рядом с ним девушка неожиданно покраснела, отвесила им полупоклон и, в отличие от брата, на удивление бойко заявила:

– Да, я должна поблагодарить брата Васечку, что он завлек меня на это представление, от чего прежде я была довольно далека...

– Надеюсь, вы остались довольны, как изволили выразиться этим представлением, – поспешил спросить, чтобы завязать разговор, Иван Павлович.

Та в ответ вздернула свои плечики и неопределенно покачала головой:

– Даже не знаю, что и сказать. В храме те же самые семинаристы поют более стройно. Хотя, может быть, там само строение храма помогает, а тут как-то ничего не чувствуется.

– Мне кажется, вы неправы, – вступился за семинаристов Гаревский, – одно дело – выйти на сцену, когда на тебя смотрит столько глаз, а совсем другое – привычно петь в церковном хоре, где все отлажено, а молящиеся преимущественно смотрят на иконы или на батюшку, не обращая особого внимания на хор.

– И все же насчет архитектуры вы правы, – вставил свое слово Менделеев, – на этот счет есть различные статьи, где разбирают влияние той или иной архитектуры на голосовое пение.

– Ну, это что-то новое для меня, – улыбнулась на его слова девушка.

– Так Иван Павлович как-никак из самого Петербурга прибыл. А там библиотеки не в пример нашим, – пояснил ее брат.

– Да я это заметил, – согласился Менделеев.

И казалось, на этом разговор был исчерпан, если бы все тот же Корнильев не нашелся сообщить им, что они на второе действие не останутся, а у крыльца их уже ждет извозчик, чтобы доставить домой. Менделеев глянул на Гаревского и заявил:

– Не знаю, как ты, но я тоже ухожу, дома меня работа ждет.

Гаревский ответил ему, что решил остаться, и на том они расстались. Выйдя втроем на улицу, перед тем как попрощаться, Василий предложил Менделееву ехать вместе с ними, пояснив, что гимназия находится поблизости от их дома.

– Хочу добавить, что здание, где ныне разместилось ваше училище, когда-то принадлежало нашим предкам, но городские власти уговорили их уступить его под благое начинание.

Иван Павлович высказал свое удивление, но, однако, то ли из стеснения, то ли по иной причине ехать с ними отказался, пояснив, что желает прогуляться, чтобы хоть чуть-чуть побыть одному. Тогда Василий, не желая сдаваться, предложил:

– Не считите за дерзость, но мы хотели бы пригласить вас к себе в гости. – Мария согласно кивнула, поддерживая брата. – Наши родные будут только рады такому знакомству.

Иван Павлович в очередной раз смутился, не зная что ответить, тем более что пока что он не получал в Тобольске подобных предложений, и чуть помявшись, согласился. Наметили день встречи: в послеобеденное время, в ближайшую субботу.

Возвращаясь в одиночестве по плохо расчищенным городским улицам, он вдруг поймал себя на том, что неотступно думает о Марии, а ее горящие, чуть с лукавинкой глаза как будто преследуют его.

«Что это, – спросил он сам себя, – неужели именно так неожиданно приходит любовь? Или это простое увлечение?»

Хоть он и не был новичком в любовных делах и еще в юные годы увлекался то одной, то другой деревенскими девушками, но то было не всерьез, мимоходом, даже шутя и серьезных последствий не имело. А вот сейчас, когда не за горами его тридцатилетие, он пытался подойти и разобраться в собственных чувствах вполне рассудительно и здраво, понимая, что рано или поздно ему предстоит выбрать ту, с которой он пойдет до конца. А это было, как ни крути, решение самое что ни на есть серьезное, и принять его вот так на ходу, с бухты-барахты, он просто не мог. Но, чуть подумав, решил, время само покажет, как ему поступить. Главное – не спешить, не торопиться, ведь рано думать о том, к чему он пока не готов.

Глава пятая

...Помня о приглашении, он встал в субботу пораньше и принялся отчищать свою форменную одежду от многочисленных пятен, используя обычную щетку и кусок мыла. Потом вспомнил, что у соседей имеется утюг и, слегка стесняясь своей просьбы, обратился к ним с невинной просьбой воспользоваться столь необходимым прибором в личных целях. Супруга его коллеги вынесла ему огнедышащее приспособление, уже наполненное углями, участливо окинув его придирчивым взглядом, предупредила об осторожном обращении и с улыбкой посмотрела вслед, как тот понес его на вытянутой руке, опасаясь обжечься.

Иван Павлович добрый час утюжил свои пиджак и брюки, поскольку другой одежды он, к сожалению, не имел, а потом с благодарностью вернул остывший утюг обратно хозяевам, отметив про себя, что не мешало бы самому, коль заведутся деньги, приобрести нечто подобное.

Едва дождавшись обеденного времени и услышав звон колоколов с ближайшей колокольни, он перекрестился и решительно направился к выходу, прихватив с собой одну из привезенных книг, изданных в столице. То был привезенный из столицы французский роман, который он так и не удосужился прочесть, а потому книга стояла на полке с неразрезанными страницами.

Дойдя до Корнильева дома, он несколько раз вздохнул, набрал в легкие побольше воздуха и решительно дернул за шнур колокольчика. Вскоре ему открыла пожилая женщина в белом холщевом фартуке и, ничего не спросив, вопросительно окинула его взглядом. Он пояснил, что приглашен молодыми господами в гости, а потому велел ей доложить о своем прибытии. Та лишь кивнула в ответ и скрылась внутри дома, а вскоре в прихожую выскочил улыбающийся Василий и радостно воскликнул:

– Неужели вы все же решились прийти? А то мы уже стали сомневаться, вдруг да вы заняты чем-то.

– Нет, что вы, раз обещал, то непременно сдержу слово, – успокоил его Менделеев. – Кстати, примите от меня небольшой подарок. Впрочем, мне говорили добрые люди, что это пустой романчик, но вдруг вам или сестре понравится.

Василий благодарно кивнул и сунул под мышку протянутую ему книгу.

– А вы сами, случаем, не заняты? – меж тем продолжал его расспрашивать Менделеев. – Может, лучше в другой раз? – при этом он пытался скрыть свою робость, которая неожиданно овладела им. Так что скажи сейчас Василий хоть одно слово не так или намекни на что-то, он бы тут же повернулся прочь и был таков.

Но тут в дверях показалась Мария, широко улыбнулась и прихожая, словно осветилась каким-то чудным светом, после чего Иван Павлович уже не думал об отступлении, а снял свою шинель и фуражку, вручил их той самой пожилой женщине и прошел вслед за хозяевами в гостиную.

Обстановка ее поразила его донельзя: там стояли высокие старинные кресла с резными подлокотниками, обтянутые светло-коричневой кожей; в углу помещался небольшой комод, у которого вместо ручек на ящиках были искусно выкованы львиные морды с вдетыми в их пасти кольцами. Там же в углу висела солидных размеров икона древнего письма с изображением Богородицы, а под ней теплилась зеленого стекла лампадка. Он счел нужным перекреститься на святой лик, чем тут же вызвал вопрос у Марии:

– Так вы значит как мы, верующий, то есть человек православный. Так говорю? А то я слышала будто бы в Петербурге многие от бога отошли и иную веру приняли.

Менделеев в ответ скупно улыбнулся и пояснил:

– Как можно от веры отцов отречься... К тому же отец мой – сельский батюшка и воспитал нас с братьями надлежащим образом. Да и я сам напросился в гимназии уроки Закона Божьего вести, а потому мне без веры никак нельзя.

– И много у вас братьев в семье?

– Пятеро нас, не считая двух сестер, правда, братья, как в сан были рукоположены иные фамилии имеют. Так владыка наш решил.

– Как интересно, – удивилась Мария, – обязательно потом расскажите мне, почему этак оно вышло. Ни разочка о чем-то подобном слышать не приходилось...

И от этих ее слов, от интереса к нему на душе у Ивана Павловича стало тепло, им овладела какая-то радость, причину которой он сам для себя объяснить пока не мог.

Вскоре к ним вышла бабушка молодых людей, Марфа Ивановна, и ни с кем не здороваясь, перекрестилась на икону и тут же тяжело опустилась в одно из кресел. И лишь потом внимательно оглядела застывшего на месте при ее появлении Менделеева. Вслед за ней вышел из своей комнаты ее сын Дмитрий Васильевич. И хотя был он еще не стар, но шаркающие ноги, сведенные вместе плечи и рассеянный взгляд, старомодная прическа «бобриком» делали его похожим на добродушного старичка. К нему тут же подошла Мария и с любовью поцеловала его в макушку.

– Извольте познакомиться. То наш папенька. Он долгие годы после смерти нашего деда управлял своей собственной типографией и выпустил массу разных интересных книг...

– Где же их можно увидеть, эти книги? – с удивлением спросил Менделеев, уважительно поглядывая на старичка.

– То отдельный разговор, но у нас все изданные в нашей типографии книги сохранились и теперь находятся в библиотеке, – она указала рукой на одну из дверей, ведущую из гостиной. А вот типографию пришлось продать, – с сожалением добавила Мария, – все равно ее во времена императрицы Екатерины приказано было закрыть, как и все иные российские типографии. Но потом, при Павле Петровиче, вновь вышло разрешение. Батюшка тогда, помнится, воспрянул духом, успел две новых книги выпустить, название которых, честно говоря, не припомню. А потом случилось самое ужасное, – она замолчала, торопливо утерла слезу и лишь потом, продолжила, – через два дня после родов скончалась наша матушка, а вслед и новорожденная, доводящаяся нам родной сестрицей. Отец не мог пережить этих смертей и с ним случился приступ, после которого, когда он пришел в себя, то лишился памяти.

– Да уж, все верно говоришь, – сказала, ни к кому не обращаясь, Марфа Ивановна, тогда как Василий смотрел в окно, и выражение его лица трудно было угадать, – пришла беда, отворил ворота. Но что делать, надо как-то дальше жить, горе мыкать...

Все взоры обратились на Машу и лишь Дмитрий Васильевич продолжал стоять неподвижно, не зная как себя вести.

– Погодка-то нынче неплохая стоит. Скоро к обедне зазвонят, схожу наверно, – неожиданно произнес он негромко и с этими словами развернулся и ушел в свою комнату, ни с кем не попрощавшись.

– Вы не подумайте чего плохого, – объяснила Маша, обращаясь к Менделееву, – он, как бы вам сказать, своей жизнью живет, а мы и не вмешиваемся...

Менделеев согласно кивнул, хотя и был немало озадачен поведением их отца, но спрашивать ничего не стал, лишь тихо произнес:

– Да я все понимаю, болезни всякие встречаются. Главное, чтобы он не ушел куда от дома, не потерялся, а то мне такие случаи известны.

– Так его из храма обычно кто-то из знакомых домой приводит. Благо, наша семейная церковь буквально в двух шагах находится.

– Конечно, надолго его оставлять нельзя и я не знаю, как быть, коль отлучусь надолго куда, – задумчиво сказал Василий.

– Вы, как понимаю, сразу после гимназии уехать хотите? Не скажите, куда? – осторожно поинтересовался Менделеев.

– Почему бы не сказать, все равно об этом рано или поздно узнаете. Думаю, или в Петербург или в Москву, где у нас давнишние друзья семьи имеются. Попрошу их куда-нибудь определить меня.

– А что в Тобольске не хотите остаться?

– И куда тут на службу пойдешь? – не задумываясь ответил Василий.

– О том мне неизвестно, но все-таки Тобольск был и есть главный сибирский город, где-нибудь да найдется место.

– Извините меня, но вы, Иван Павлович, от жизни отстали. Сейчас Омск, а вслед за ним и Томск становятся теми центрами, что когда-то один Тобольск совмещал. Не удивлюсь, если Главное сибирское управление от нас в один из этих городов переведут, – пояснил Василий. – Тогда городок наш совсем захиреет, все стоящие чиновники тут же разбегутся, оставшись без должности.

– А в чем причина? – не скрыл своего удивления Иван Павлович.

– А причина в том, что разбойников, которыми мы считаем все кочевые племена, еще при Петре Алексеевиче дальше на юг прогнали, понастроив крепостей на границе с ними. Потому крестьяне многие стали безбоязненно на этих землях селиться между Тюменью и тем же Омском. Да и южнее земля плодородная, бери сколько нужно. А если про Томск говорить, то там не так давно в окрестностях золото нашли. Вот те, кто побойчей, срочно туда перебрались, чтобы на золотых приисках руки погреть. А Тобольск что, былыми заслугами питается, а толку с них никакого. Да так не только я, но и многие просвещенные люди считают. Кончился его век, когда он во главе всех больших и малых дел стоял. Ему теперь лишь звание ветерана по плечу, не более.

Так что судите сами. Да, еще добавлю, лично у меня особый интерес имеется к российской литературе, поэзии, а все наши литераторы как раз в столицах живут. Мне батюшка мой рассказывал, будто и у нас в Тобольске были когда-то свои поэты, но все из числа ссыльных. Как им срок наказания к концу подошел, то все, как один, обратно подались. Вот и судите сами, каково нам тут жить в глуши и неведении...

– Как тут не согласиться, все это, как говорится, невооруженным глазом увидеть можно, – согласился Менделеев. – Только вот мне здесь, находясь на государственной службе, неизвестно сколько оставаться придется, а потому не берусь даже мечтать о том, чтоб перебраться куда-то. Все от моего начальства зависит. Может статься, что до конца дней своих в Тобольске оставаться придется. Так что вам, молодой человек, даже завидую. А ежели в Петербурге окажетесь, то могу подсказать адреса своих добрых знакомых, которые содействие могут оказать.

– Весьма благодарен, – протянул ему руку для пожатия Василий, но пока об этом говорить рано, еще гимназию закончить требуется. Говорят, будто бы у нас готовятся старшие классы открыть. Так ли это?

– Да, директор только об этом и говорит. Потому товарищ мой, которого вы изволили на концерте видеть, пока без должности в ожидании находится. Только ему родители помощь оказывают, а мне вот нечего ждать, на собственные харчи рассчитывать лишь приходится, – горестно улыбнулся он. Но ничего, глядишь, выдюжу, наш брат к хлебосолам не привычный и простой пище рады.

В это время Маша, не принимавшая участия в их разговоре, подошла к своей бабушке и шепотом что-то спросила у нее, та в ответ согласно кивнула. После чего девушка вышла в другую комнату, и вскоре оттуда раздался ее звонкий голос:

– Прошу всех к столу пожаловать.

Василий подхватил хотевшего было отказаться от угощения Ивана Павловича под локоток и провел его в столовую, где уже были приготовлены различные угощения, включая чай

в дымящихся стаканах, о чем Менделеев давно скучал. К его удивлению, там уже находился незнакомый ему мужчина и рядом с ним женщина неопределенного возраста.

– Это наш дядюшка Яков, брат отца и супруга его Агриппина Степановна, – с легким вздохом пояснил Василий. Те лишь кивнули в сторону гостя и принялись за свой обед.

Василий с Иваном Павловичем устроились на противоположной стороне стола, а Маша в это время отдала какие-то распоряжения прислуге, стоявшей в дверях, и лишь после этого присела рядом с ними.

– Наша бабушка, как и отец, обычно обедают отдельно, так что их ждать не станем.

Яков с женой вскоре закончили свою трапезу и ушли к себе, а молодые люди, оставшись одни, долго говорили о перспективах дряхлеющего Тобольска и других сибирских городов. Запоздавший обед и разговоры за столом затянулись дотемна и Менделеев, не имевший часов, поздно спохватился, когда уже зажгли свечи.

– Извините, но я вынужден откланяться, – с сожалением произнес он, поднявшись.

Уже выйдя на улицу, он вдруг ощутил свое одиночество и тут же подумал, когда он вновь увидит запавшую ему в душу и неожиданно ставшую дорогой и близкой Машу. Похоже, она тоже проявляла к нему симпатию, хотя тщательно скрывала это от него. Так где-то неделю, если не больше, он только и думал, какую найти причину для вторичного посещения дома Корнильевых. Выручил его и на этот раз Василий, который как-то, дождавшись окончания занятий, ожидал его в коридоре и, обменявшись рукопожатиями, предложил:

– Мы в ближайший воскресный день собираемся с сестрой покататься на беговых санках по Иртышу. Там в эти дни весь город собирается, гонки на реке устраивают. У нас тоже для этих целей выездной жеребец имеется. Что скажете?

– Да мне как-то неловко, – вновь робко ответил Иван Павлович, – боюсь лишним оказаться.

– Да вы что? Сама Маша просила пригласить вас. Нет уж, коль приглашаем, соглашайтесь. А коль откажитесь, то и меня тем самым обидите.

Ивану Павловичу не осталось ничего другого, как дать свое согласие.

Глава шестая

В назначенный день Менделеев в положенное время звонил в дом Корнильевых и навстречу ему вышел уже готовый к прогулке Василий. На нем была короткая куртка, опушенная мехом по обшлагам, на голове меховая папаха и высокие сапоги на меху. Ивану Павловичу осталось только позавидовать его наряду, поскольку сам он был одет в неизменную шинель, с фуражкой на голове.

Василий критически оглядел его, но ничего не сказал и предложил пройти во двор. Там уже стоял наготове запряженный возок, на облучке сидел кучер в огромной шапке на голове, а его шубейка была перетянута красным кушаком. Запряженный в санки породистый жеребец рыжей масти упорно рыл копытом припорошенную снежком землю. Вслед за ними во двор вышла Маша, радостно улыбнувшись гостю, первой заняла в санях место. Василий и Иван Павлович устроились по бокам. Ворота были открыты и они без задержки выехали на полупустую улицу, а оттуда напрямик на реку.

Вот там-то было небывалое оживление: и в ту и в другую сторону проносились запряженные в беговые сани породистые, застоявшиеся за зиму в стойле кони, тяжело фыркая и выпуская клубы пара. Кучер, обернувшись, спросил:

– В какую сторону ехать прикажете?

Василий переглянулся с сестрой, и они дружно ответили:

– До Сузгуна, а потом обратно.

– Слушаюсь, – ответил тот, громко присвистнул и щелкнул кнутом.

Жеребец рванул с места и вскоре перешел на рысь. Они обогнали, громко улюлюкая, вначале одни сани, затем и другие, с поглядывающими на них искоса седоками, и понеслись дальше по льду, оставив тех далеко позади.

– Я же говорил вам, – переглянувшись через сестру, крикнул Василий, – нашему Орлику тут равных нет. Отец, чтобы купить его, аж до Омска доехал, купил за большие деньги у киргизов, а уж оттуда привез его. Сам-то я не помню, но наши конюхи говорят, будто он совсем дикий был. Ни к седлу, ни к саням непривычный. Кучер наш, Прохор, – он кивнул в сторону возницы, который вряд ли слышал его слова, – почти год приручал его. Ничего, справный стал конь, прирожденный рысак. Не ошибся батюшка в выборе, знал толк в конях. Вот с тех пор стал Орлик его любимцем. Только на нем по своим делам и выезжал. Только как болезнь с ним случилась, его словно подменили. Теперь, сколько не уговаривай, и близко к санкам не подойдет. Все пешком, да пешком...

В ответ Менделеев лишь кивнул головой и, придерживая рукой фуражку, поглядывал по сторонам, любясь открывшимся простором и обрывистым Иртышским берегом, проплывавшим мимо них.

Именно сейчас он осознал, чем Сибирь отличается от прочих российских земель, где ему удалось побывать. Тут его невольно восхищал невиданный простор и ширь нетронутых рукой человека лесов, стоявших неприступной стеной вдоль русла Иртыша. Да и сама своенравная река текла, казалось бы, как ей вздумается, то круто меняя направление узким рукавом, то неожиданно разливаясь так, что едва просматривался противоположный берег. И потому он невольно ощущал себя человеком столь же вольным и свободным, как и прочие, живущие здесь люди, для которых нет границ в их поступках и мечтаниях. Он тут же представил, как когда-то здесь шла на стругах дружина Ермака, а вслед за ней ставили первые сибирские города русские землепроходцы; как потянулись в Сибирь первые купцы, а еще вольные гулящие люди. Тем уже мал был Иртыш и впадавшие в него многочисленные речки с малыми притоками, они шли дальше и дальше, словно любопытные дети, попавшие в чужой дом, где не спросясь хозяев,

заглядывают то в одну, то в другую комнаты, а вскоре, вызнав и разведав все им доступное, готовы без усталы искать что-то новое, непривычное...

Виделись ему и бедные татарские рыбацкие поселения, что далеко не сразу признали новую власть, до поры до времени затаились в ожидании перемен и возвращения старых хозяев, но потом, видя, что местные князья высказали свою покорность и по-прежнему оставались людьми знатными среди прочих, начали селиться близ русских городов; многие пошли на военную службу, тогда и прочее население начало вести торговлю, ища свою выгоду и прибыль, и никто уже не вспоминал, как было раньше, уверившись в стойкость и крепость государства российского. Вслед за тем Менделеев подумал, что было бы неплохо открыть в гимназии класс татарского языка, хотя не представлял, кто будет там преподавать. Плюс ко всему понял, у каких великих просветительских истоков он оказался волею судьбы и тогда уже совсем ощутил себя, если не Александром Македонским, то одним из подвижников веры, несущих с собой не только силу печатного слова, но и христианскую веру, стоящую во главе угла всех начинаний.

Меж тем они незаметно домчались до небольшого селения на берегу, где речной обрыв заканчивался, и дальше шла необъятная долина. Ему пояснили, что это и есть Сузгун. Там они замедлили ход и развернулись в обратную сторону. Добравшись до города, дали коню передохнуть, а потом сделали еще пару заездов. Домой возвращались раскрасневшиеся, довольные поездкой. И уже выходя из саней, Василий предложил:

– Может, зайдете погреться? У нас на этот случай особая наливочка припасена, бабушка ее каждый год готовит против всяческих болезней. Рекомендую отведать.

Менделеев некоторое время помялся, а потом решительно зашел внутрь вслед за хозяевами. В гостях он вновь пробыл до самой темноты и, спохватившись, поспешил распрощаться.

Вернувшись к себе, он долго не мог заснуть, вспоминая возбужденное лицо Марии, сидевшей в санях рядом с ним плотно прижавшись, отчего он ощущал тепло ее тела, и ему хотелось еще плотнее прижаться к девушке и долго-долго не отпускать ее от себя. На следующий день он едва дождался окончания занятий, поискал Василия в других классах, но он, судя по всему, уже закончил занятия и отправился домой.

Тогда он решил пойти прогуляться, выбрав путь вблизи дома Корнильевых, надеясь, что кто-то его заметит и пригласит зайти в гости. Но все надежды оказались напрасны. Ворота во двор были плотно закрыты, а окна занавешены. Он бесцельно побродил по затихшей улице, не зная как быть, а потом решительно повернул обратно.

Так прошла неделя... С Василием он так и не свиделся, к тому же пришло время проводить с воспитанниками контрольные работы, которые требовалось проверить, не говоря о каждодневной подготовке к очередным урокам. Поэтому время летело быстро, и он не заметил, как на улице потеплело, снег начал понемногу подтаивать и по спускам с горы робко пробивались первые ручейки. Кто-то из учеников предложил ему устроить после занятий прогулку до кафедрального собора, находившегося на горе. Иван Павлович согласился. Но все же предупредил о своей прогулке инспектора, чтоб тот не хватился отсутствующих и не затеял поиски. Тот, на удивление, улыбнулся ему, чего он никак не ожидал и согласно кивнул.

...Ребята убежали далеко вперед, а он, с непривычки тяжело дыша, добрался до величественного собора, стоявшего почти на кромке кручи, значительно позже. Те уже ждали его возле закрытых дверей собора, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Поначалу Иван Павлович не знал, о чем он может им рассказать, хотя понимал, что они ждут от него именно этого. На их счастье, мимо проходил пожилой священник, к которому он поспешил обратиться с просьбой, хоть что-то поведать о местной церковной старине. Тот согласился, подошел ближе, и ребята радостно загалдели, засыпав его вопросами. Среди них было много приезжих из других городов, а потому спрашивали они батюшку, первое, что приходило им на ум:

– А почему собор закрыт?

– А где владыка проживает?

– А как вас зовут?

– А как собор называется?

Батюшка слегка улыбнулся, слушая их вопросы, а потом степенно огладил бороду и принялся отвечать:

– Вы, сорванцы этакие, как погляжу, ничегошеньки не знаете, а потому слушайте меня внимательно и запоминайте. Зовут меня отец Андрей, служу я в Покровском храме, который еще зимним называется. – И он указал рукой на видневшийся поблизости приземистый храм, крыша которого была выкрашена в зеленый цвет.

– А почему он зимний? – тут же послышался чей-то очередной вопрос.

– Да потому, что в нем обычно зимой служба происходит. А этот собор, что рядом с нами, Софийско-Успенским зовется, в нем с самого начала печи не сложены, а потому зимой он закрытым стоит до следующей весны. Вот скоро открыть должны. Владыка же наш живет в своих покоях, что внутри двора Софийского находятся. Только, боюсь, вас до него вряд ли сейчас допустят. Лучше приходите в праздничный день, когда он служить станет. Тогда и увидите владыку нашего.

Дети невольно притихли, и вопросов больше не последовало. Затем они, попрощавшись со священником, прошли на берег Иртыша, откуда открывался живописный вид на подгорную часть берега и скованную льдом реку. Но пронизывающий ветер заставил их вскоре вернуться обратно. Однако и этой короткой прогулкой они остались довольны.

Ивану Павловичу было стыдно, что он не успел подготовиться к прогулке, в результате чего знал о Тобольске ничуть не больше своих воспитанников. Потому он решил поискать в библиотеке что-то по истории края, о его древностях. Когда они вернулись обратно, то он не стал это дело откладывать и, отпустив ребят, тут же прошел в библиотеку. На его вопрос библиотекарь принес ему рукописные сочинения местных авторов, переплетенные кем-то из умельцев и одетые в картонный переплет, добавив при этом:

– Все, что могу предложить.

Менделеев попросил записать рукописи за ним и, вернувшись домой, быстро пролистал написанные разборчивым почерком рукописи, но не нашел ни одного ответа на вопросы заданные его учениками. Чуть подумав, он решил, что появился повод для визита к Корнильевым, у которых могут оказаться нужные ему книги, после чего у него словно гора спала с плеч.

И действительно, когда он явился к Корнильевым без приглашения, то Василий встретил его, как всегда, любезно и тут же провел в семейную библиотеку, которую по его словам начал собирать еще его дед в незапамятные времена. У Ивана Павловича от увиденного стоящего на полках книжного богатства, как говорится, глаза разбежались.

– Ой, сколько их, – только и мог он произнести, – ежели постараться все их прочесть, точно, не замечу, как жизнь пробежит...

– Да кто же вам мешает, – с усмешкой произнес Василий, – приходите, когда сочтете нужным, тем более других желающих в нашем Тобольске просто нет. Я вот уже прочел то, что мне было интересно. Иностранных авторов как-то не жалую, хотя несколькими языками владею. А ваш выбор мне неизвестен. Потому решайте сами, что вам больше нужно...

С этими словами он ушел, оставив Менделеева один на один с многочисленными книжными рядами. Просматривая надписи на обложках, он вскоре убедился, что большая часть книг издана действительно на иностранных языках: немецком или французском. И те авторы о Тобольске явно не писали. Зато вскоре наткнулся на пухлые тома, издаваемого Корнильевыми журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», и тут же отложил несколько из них, собираясь взять домой, если на то согласятся хозяева.

Через какое-то время в библиотеку заглянула Маша и с улыбкой спросила:

– Неужели нашли что-то полезное для себя? Я их почти все прочла, любопытно. Но малоинтересно. А вы на чем остановили свой выбор?

Он показал ей журналы, на что она в ответ одобрительно кивнула.

– Да, это именно те журналы, о которых я вам в прошлый раз говорила. Но, знаете, что интересно, продать от всего тиража удалось не более пяти штук, а остальное издание почти целиком передали в Приказ общественного призрения. Так они там и хранятся. Правда часть из них, как говорят, пошла на подарки ученикам, заканчивающим семинарию. Однако, как мне известно, денег за них мы так и не увидели. Так что судите сами, почему мой брат не хочет оставаться в городе, где наших предков и в грош не ставят.

– Зачем же вы так Маша, – впервые по имени обратился к ней Иван Павлович, – иные отзываются о вашем семействе лишь добрым словом, как мне самому много раз слышать доводилось.

В ответ лишь Маша махнула рукой и ничего не сказав, вышла. Иван Павлович еще некоторое время просматривал книги, а потом, подхватив отложенные им тома, вышел в гостиную. Там его уже поджидали брат и сестра, а на столе стояли стаканы с горячим чаем.

– Я заметила, что вы к этому напитку равнодушны, а потому приготовила вам небольшой подарок с полуфунтом китайского чая. Когда-то наши предки занимались торговым делом, а потому возили на продажу чай из самого Китая. Вот небольшие запасы и нам достались.

С этими словами она положила на стол мешочек с вышитым на нем вензелем фирмы Корнильевых и пододвинула к Ивану Павловичу.

– Да что вы, право, – смутился он в очередной раз, – не заслужил я еще подобного подарка.

– Это ничего... Ежели я в вас не ошиблась, то вы вскоре заслужите и большего, чем это скромное подношение. Не буду скрывать, мне приятно общение с вами. Думаю, Василий в том со мной согласится.

– Несомненно, – кивнул тот головой.

От этих слов кровь прилила к лицу Ивана Павловича, и он неожиданно для себя, хотя никогда раньше этого не делал, кинулся целовать Машину руки, но сделал это как-то неловко, даже неуклюже, отчего Маша лишь рассмеялась и погладила его склоненную голову.

– Прекратите, – сказала она, – не люблю я этого. Мы по-простому воспитаны и к разным там поцелуям не приучены. У меня подобные порывы наших мужчин лишь смех и раздражение вызывают, – с этими словами она выдернула свою руку, которую все еще сжимал Менделеев и спрятала ее за спину, продолжая при том насмешливо смотреть на так и застывшего в полупоклоне и окончательно сконфузившегося Ивана Павловича.

Но вот у него от услышанного неожиданно кровь прилила к лицу, и он, пряча глаза, ненадолго присел на стул. А потому, не зная, как ответить, так и не найдя подходящих слов, почувствовал себя униженным, оскорбленным, соскочил со своего места и, не попрощавшись, насупившись, направился к дверям. Там он не мог сразу справиться с закрытой дверью, рванув ручку на себя, но она никак не желала открываться, отчего он еще больше рассвирепел и в ярости пнул ее ногой. На счастье ему помог Василий, который легко открыл дверь, чуть толкнув ее в противоположную сторону.

Уже в прихожей их нагнала Мария и поспешно вручила обескураженному гостю злополучный мешочек с чаем. Он не глядя принял его и сунул в карман, после чего вышел на улицу и исчез в темноте.

Оставшись одни, брат с сестрой глянули друг на друга, тяжело вздохнули, чувствуя за собой вину в произошедшем и так же молча проследовали обратно в гостиную. Уже там через какое-то время Василий негромко проговорил:

– Так, чего доброго, сестричка милая, он к нам совсем ходить перестанет... Что же ты, промолчать не могла? Ничего бы и не случилось. А сейчас даже не знаю, как быть. Но вот только не по себе мне как-то. Хорошего человека и ни за что обидели...

– Что ж теперь делать, коль так вышло. Я тоже виню себя. А если попрошу, ты можешь перед ним извиниться и пригласить куда-то?

– Я уж думал об этом. Но лучше, если ты вместе со мной будешь. Тогда совсем иное дело. Ты разве не заметила, что он с первых наших встреч на тебя смотрит как на богиню какую? Иначе и не скажешь. А ты ему что в ответ: «У меня это вызывает лишь смех и раздражение»? Я ничего не перепутал? Эх, Маша, Маша! Глядишь, скоро всех женихов своих распугаешь... И что тогда? Останешься соломенной вдовой, как в народе говорят.

– А мне не страшно. Коль вам в тягость, уйду в монастырь, стану Христовой невестой. Слава богу, там не придется думать, что кому и как ответить... – С этими словами она встала и собралась идти к себе.

Василий хотел было остановить ее, но вошла горничная и сообщила, что их давно ждут к ужину.

– Без вас начинать не желают, – добавила она с поклоном.

– Началось, – с неприязнью заметила Маша, – там тоже требуется вести себя по правилам, чтоб никого не обидеть. Надоело! – Однако она, чуть прикусив губу, покорно двинулась вслед за братом в гостиную.

Глава седьмая

...Там уже их ждали все обитатели дома Корнильевых, включая Дмитрия Васильевича, державшего возле себя пустой стул для дочери. Во главе стола сидела, как обычно насупившись, Марфа Ивановна, а на противоположной – Яков со своей супругой, постоянно шикающей на мужа и нашептывающей ему что-то на ухо.

Младший брат Дмитрия Васильевича – Яков – родился болезненным ребенком, боялся часто выходить на улицу, опасаясь простуды, предпочитал одиночество и мог часами смотреть на огонь в камине, вплоть до того, что домашние опасались, как бы на нем не вспыхнула одежда и чуть не силком заставляли его пересесть подальше от пылающих дров. Тогда он расстраивался, начинал хныкать, словно ребенок, и все могло кончиться припадком, после которого он долго не мог прийти в себя. Потому домашние старались не допускать его встреч с гостями, и тогда Якова приходилось закрывать в верхней комнате на замок, где он чуть побившись в истерике, вскоре засыпал, пока его не разбудят, дождавшись ухода гостей.

Зато его женушка Агриппина была не в меру любопытна, язвительна на язык и старалась всем навязать свое мнение, не забывая повторять, что ее первый муж полковник, якобы воспитанный при дворе императрицы Елизаветы Петровны, поступал в подобных случаях так-то и так-то. Возразить ей мог, разве что Василий, к которому она относилась несколько иначе, чем к остальным и даже слегка побаивалась его, после того, как он положил перед ней дело ее покойного мужа, в котором четко был прописан суровый приговор суда, вынесенный «бывшему полковнику» Науму Чеглокову. Пробежав его, она вздрогнула, с ужасом воззрилась на Василия и тихо спросила:

– Откуда это у тебя?

– Все благодаря связям, – загадочно ответил тот. – Да не бойтесь, кроме меня его никто другой не читал. Пока, – через паузу добавил он. – Пока еще никто не читал. Но, если вы опять начнете встречать в наши семейные дела, то ничего гарантировать не могу. – Он выхватил у Агриппины бумаги и не торопясь вышел.

Какое-то время его тетка действительно сдерживала себя, что ей, видимо, давалось с большим трудом. Но временами она вновь подавала свой тонкий, писклявый голосок, когда в семействе Корнильевых обсуждался какой-то вопрос, касающийся финансов. Ее волновало более всего, выделяют ли ей деньги на очередную покупку новых платьев, модных туфелек и прочего, что относится к дамскому туалету. И хотя она была старше своего болезненного супруга на десять с чем-то лет, но вела себя, словно восемнадцатилетняя девица: ярко красилась, накладывала на морщинистое лицо толстый слой пудры, старалась говорить нараспев и при этом старательно морщила носик, чем начинала походить на мартышку, но никак не на юную девушку.

Вот и сейчас, как только в столовой появились Василий и Мария, она подобрала губки и задала очередной каверзный вопрос:

– Я, как погляжу, у вас, милочка моя, от женихов отбоя нет. То один хаживал, а тут уже и другой появился. Похоже совсем нищий, до того у него шинелька худая, вся заштопанная. Мой покойный муж таких гостей лишь с черного хода в дом пускал, а потом и совсем запретил принимать. Но вот мне, так скажу, жаль его безмерно, а уж тебя, Машуля, тем паче...

– Не ваше дело, – резко ответила Мария, – я же не обсуждаю с кем вы или ваш муж отношения поддерживаете. Уж больно от них дурно пахнет, проветривать потом приходится в прихожей. И что вы с муженьком своим изволите носить из одежды. Так что попрошу вас оставить меня и наших знакомых в покое.

– Значит, тебе не нравится, в чем мой муж Яков ходит? Так это все от Марфы Ивановны зависит, и она покосилась в сторону неподвижно сидевшей свекрови, в упор смотревшей на невестку. – Ой, боюсь, а что она так на меня глядит? Даже страшно становится...

– А ты бойся меня, бойся, курица щипанная, – наконец подала та голос, – а то, коль захочу, совсем голышом оба на улице окажетесь, а обноски твои, в коих ты к нам заявила, следом выброшу, прислуге приказала беречь их до поры до времени, хотя самое место им в печи было бы. Вот только посмей еще хоть словечко против внучки моей обронить, мигом узнаешь, где раки зимуют, только потом не взыщи, поздно будет.

Молчавший до этого Яков неожиданно подал голос:

– Матушка, ну зачем вы так? Агриппина к тебе, как к родной матери относится, а ты ее последними словами костеришь, еще и из дома выгнать грозишься...

– С каких это пор я вдруг ей матушкой стала? – так и взвилась Марфа Ивановна. – Хотя, ежели разобраться, я вас вместе с бедовой женушкой твоей содержу и одеваю да еще денег на разные разности по праздникам даю и взамен ничего не требую. Какой прок с вас? Иная бы давно отделила и живите как знаете. А вот после этого скажи мне сынок непутевый: заслужила ли я, чтоб ты мне слова такие поперек сказывал? Выходит, я еще у тебя и спросить должна, когда мне слово сказать? А где, коль не позволишь, молчать требуется? – Глаза ее извергали молнии, и все собравшиеся невольно притихли, опасаясь продолжения.

– Того я не знаю, – покорно ответил готовый забраться под стол Яков.

– А мне, что же, теперь с закрытым ртом сидеть и словечко свое сказать не можно? – вновь не утерпела Агриппина Степановна.

– Вот так и сиди и рот свой поганый не смей открывать, – вновь сверкнула в ее сторону глазами Марфа Ивановна.

Какое-то время над обеденным столом нависла грозная тишина, пока ее не прервал Василий:

– Действительно, как говорили древние, когда я ем, то глух и нем. Вот и нам надо этого придерживаться.

– Да, Васенька, ты как всегда прав, – согласилась с ним сестра.

Когда Яков с супругой закончили трапезу и ушли к себе наверх, то облегченно вздохнув, Марфа Ивановна сказала вполголоса:

– Дождутся они у меня, ой, дождутся, вот оставлю их без гроша, тогда погляжу, как они запоют, – потом чуть помолчала и уже совсем иным тоном обратилась к внучке: – А ты, Машка, лучше послушай меня старую, что я тебе скажу. Я на своем веку всяких людей видела, а потому твоего училища сразу раскусила. Тут я с Агриппинкой соглашусь, как мне не противно ее лишний раз вспоминать. Сразу поняла, что учителька тот по твою душу явился. У них у всех одно на уме, как бы невесту побогаче себе высмотреть и к рукам прибрать.

Тут уже не вытерпела Мария и заступилась за Ивана Павловича:

– Зря вы так про хорошего человека, бабуля. А вы не подумали, что он мне нравится может? К тому же с чего вы это взяли, будто бы я богатая невеста? Да после того, как папенька наш память потерял, то сразу фабрика в Аремзянке встала и типографию продали за гроши, коль некому стало тем делом заниматься. А потому, как погляжу, у нас теперь одни долги да расходы и никаких прибытков совсем не предвидится. Ну, вот скажите вы мне, какое такое за мной приданое? А я сама и отвечу: да никакого. Так кое-что от былой нашей славы осталось, а свободных денег и копейки не сыщется.

Тут уже не выдержал ее брат и возразил ей:

– Ой, Маша, рано ты о приданом думать начала. Тут наша бабуля права, вспомни того же капитана, что все прошлое лето вокруг тебя чуть не полгода увивался. А где он теперь? Пропал, будто и не было. А то ведь, что ни день, то с подарком объявится. Подумай сама, чего ему не хватало?

– Да откуда мне знать, – опустив глаза, ответила та, – у него самого надо спросить...

– А я тебе скажу, – продолжал Василий, – как только он разнюхал, что мы нищие, как церковная мышь, так сразу и пропал. Да оно даже хорошо, коль Иван Павлович за душой ничего не имеет. Правильно думаю?

– Нет, тут я не согласна, вот за душой у него как раз много разного добра имеется, – не выдержав, перебила его Мария.

– И что же такого интересного за душой у него? – с улыбкой спросил Василий, хотя сам мог бы подсказать сестре, поскольку лучше знал учителя, но по какой-то причине не стал этого делать.

– А то и есть, будто ты сам не знаешь, – отвечала та не задумываясь, – доброта его, робость, книги читать любит, институт столичный окончил. Да много еще чего. А вот тех, кто себе не невесту, а ее приданое ищет, тех боюсь, не нужны они мне и все тут...

– Так выходи за него замуж, – вздохнул Василий.

– Коль предложит, непременно соглашусь, – с пылающим багровыми пятнами лицом стояла та на своем. И видно было, что нет такой силы, которая могла бы изменить ее мнение, сложившееся раз и навсегда.

Тут неожиданно для всех вдруг заговорил обычно не участвующий в общих разговорах Дмитрий Васильевич:

– Ты, дочка, никак замуж собралась? Почему же я ничегошеньки о том не ведаю? Хоть бы словечком обмолвилась. Жених то кто? Из чьих будет?

Смущенная Маша обняла старика, чмокнула его и со слезами в голосе и смущенно проговорила:

– Вроде как из семьи священнической он. А остальное не скажу, поскольку сама всего о нем пока не знаю...

– Священник, это хорошо, – закивал седой головой старичок, – значит, человек неплохой будет, соглашайся. А я свое отцовское благословение сразу и дам...

Маша не выдержала и расплакалась, вскочила из-за стола и, прижимая к глазам платочек, быстрым шагом покинула столовую.

– Ой, бедовая девка, иначе не скажешь, – улыбнувшись, глядя Маше вслед, с очередным вздохом проговорила Марфа Ивановна, – но за это я ее так люблю! Да и жалею безмерно... – И она троекратно перекрестилась, незаметно утерев слезу, неожиданно просочившуюся между старческих морщин наружу.

– Жалей не жалей, а действительно, пора Маше и о замужестве подумать, – высказался как бы на равных со старшими Василий, – а то, не ровен час, Горгона эта, – он указал пальцем наверх, – поедом ее ест, как только завидит. Ума не приложу, отчего она вдруг столь ее невзлюбила...

– Молодости ее завидует, вот и весь ответ. Ей дай волю, так она и меня давно бы в богадельню сдала, а сама здесь всем нашим хозяйством и дворовыми заправляла. Пущай бога благодарит, что дала свое согласие на их женитьбу с Яковым. Был бы он здоров, совсем другую невестку себе нашла, а не эту змеюку зловредную. Как ты ее давеча назвал? Гордона или иначе как?

– Горгона, – с улыбкой ответил ей внук, – у древних греков была такая дама со змеями на голове. На кого не глянет в глаза прямо, любой человек тут же сразу замертво валился.

– А скажи-ка мне, любезный мой внучек, как ты с ней вдруг общий язык нашел? У меня взгляд верный, хоть и стара, а на вершок в землю вижу. Никак не пойму, чего она с тобой иначе говорит, нежели с другими. Ну, не скрытничай, знаю я тебя, ты к любому без масла или посулов каких подход найдешь. А вот как с Агрипкой нашей спелся, того не уразумею...

– А мне и скрывать нечего, – смело ответил Василий, – тем более от вас, бабушка, у меня тайн никаких нет. Напомнил ей как-то, за какие грехи первый ее муженек, коим она нас попрекает постоянно, в Сибири оказался.

– Вот оно как, – улыбнулась та, – а то уж я грешным делом думать стала, а не полюбовники ли вы с ней. Тогда прощения прошу, за думки мои скверные.

– Да я что, ваше право думать, хорошо ли, плохо ли. Я за то не в обиде. Только об учителе нашем худого не думайте. Похоже, он Машуню к себе в самое сердце впустил и вряд ли кто тому может воспрепятствовать.

– Ой, не верю я вам, мужикам, сперва нашкодите, что кот пришлый в хозяйскую кладовую залезший, а как чего вдруг не по-вашему, тут же обратно уберетесь. Вот и мой Васечка, в память о котором тебя нарекли, всем добрый мужик был, только я-то чуяла, есть у него на стороне зазноба, и скажи я ему слово супротив, нашел бы, как меня со света сжить. Так в страхе и терпела все, боялась его, как огня, ежели не поболе...

– Интересные вы вещи рассказываете, бабушка. Я и не знал о том, коль вы бы не рассказали.

– Чего теперь о покойном говорить, все одно он ответить не сможет. А слышал бы, мне и тебе заодно ой, прости меня грешницу, легко досталось бы на орехи. Ладно, ты мне лучше об учителе этом скажи, говоришь, стоящий человек? Не обидит Машуню нашу? Точно? Можно начинать к свадьбе готовиться?

– Нет, о том лучше саму Машу спросите, а мне то неведомо. Вам ли не знать, всякое меж ними случиться может.

– А ты на что, братик старшой? Помоги им, ежели чего заметишь. У нас в семье дело эдак поставлено было: старшой брат младшим всегда на выручку приходил, с него и первый спрос. Ты с ним, учительком этим, потолкуй по-свойски, намекни, мол, Маша ждет, когда дело сладится. А чего так-то попусту ходить, пока ноги до коленок не сотрешь. Или не так что говорю?

– Все так, бабуленька. Сам думал, поговорить с Иваном Павловичем следует, а нужный момент все не выберу. Уж так он себя повел с самого начала, не угадаешь, как он поступит. Только разговор начнем, а он шасть и домой к себе собрался. И в первый, и во второй, и в третий раз...

– Ага, а я что говорила? Верткий он, как уж, не ухватишь никак. Но ты же парень неглупый, сообразишь все равно, когда с ним сурьезный разговор начать можно. Спроси его, как есть: собирается он Машиной руки просить или дальше кругом ходить будет, смущать девку без дальних задумок. Скажи, негоже так, он поймет, коль не глупец последний. А коль нет, то на порог его больше пускать не следует. Так говорю?

– Все верно, бабуленька, возразить не смею. Неловко мне как то, разговоры такие вести, годами пока не вышел, но, обещаю, попробую.

– Ты его, главное, о свадьбе напрямки спроси. Зачем дело откладывать. Мол, когда? Можешь на меня с Митенькой сослаться. Говори, что бабушка наша с отцом Машиным вместе ночи не спят, все думают, быть свадьбе вашей или не быть. И мне сразу скажи, что он тебе ответит, а остальное я как-нибудь сама додумаю... Все понял? Но Василий не успел ответить, потому как в их разговор вновь вмешался Дмитрий Васильевич, прослышав про свадьбу.

– Это о ком вы там судите-рядите, никак не пойму. Никак о Машеньке, – разволновался он вдруг, – а почему мне о том ничего не известно?

– Да вам, батюшка, лучше о том пока не знать, оно и спокойней будет, – погладил его по голове Василий, – мы от вас ничего скрывать не станем, как дело сладится, все сразу и расскажем. Куда мы без вас, – успокоил он старика.

Тот согласно несколько раз кивнул головой и опять впал в свое обычное состояние, не проронив больше ни слова.

Но тут пришел черед разволноваться Марфе Ивановне.

– Чего-то и мне худо сделалось от всего услышанного, – заявила она, тяжело поднимаясь из-за стола, – пойду девку успокою, а то ведь ревет, поди, в три ручья...

За столом остались Василий и его отец, который никак не мог подцепить вилкой маринованный грибок и страшно от того разволновался. Василий, наблюдавший за ним с улыбкой, не вытерпел и, взяв грибок двумя пальцами, поднес его к отцовскому рту, но безуспешно. Тот закрутил головой, добавив пару слов:

– Не хочу!

– Ну, коль не хочешь, то сам его и съем. – И он кинул махонький грибочек в свой открытый рот, после чего тоже покинул столовую, оставив отца, сгорбившегося над пустой тарелкой одного.

Глава восьмая

...Иван Павлович, покинувший дом Корнильевых с нехорошим осадком на душе, не знал, как ему дальше жить после случившегося. Он даже намеревался поутру отправиться к директору и заявить о своей отставке от должности, но не хотелось появляться перед родными, человеком, бросившим службу, лишь только начал ее. Тем более все станут расспрашивать, выражать сочувствие, а это еще хуже, чем тягостное молчание или осуждение.

В тоже время он понимал, что к Корнильевым он больше не ходок, после всего случившегося. Но и без Маши он свою жизнь представить не мог, уж больно глубоко пустил он ее к себе в душу. Как не старался, он не мог понять, когда это случилось. Месяц или день назад? Вот случилось и все, чего теперь гадать. А она все понимает и пользуется его симпатией. Впрочем, если быть честным, то как она ей пользуется? Нарядов дорогих или украшений каких купить требовала? Да нет, даже речи о том не было... Тем более он даже не мог себе представить, как бы он вручил ей подобный подарок. Тогда точно, услышал от нее такое, что потом не посмел бы и порог их дома переступить.

«Собственно говоря, что такого произошло? – размышлял он. – Она всего-то и сказала, что не любит, когда ей руки целуют. И что здесь такого? Чего я надулся и постыдно, как последний трус, сбежал? Надо было рассмеяться, обратить все в шутку, а не изображать из себя обиженного и оскорбленного...»

Он чувствовал во всем случившемся прежде всего свою вину. Но никак не ждал, что его невинный поцелуй так воспримут. Да и она наверняка не ждала, что он вдруг надуется и поспешит из дома. Но что-то сейчас менять, идти с извинениями было теперь поздно...

Если бы он мог, то тотчас заплакал, но слезы не шли, да и стыдно было сидеть с мокрыми глазами, будто юная гимназистка. У него даже мелькнула мысль покончить с собой, но он представлял, как расстроится она, когда узнает о его смерти. К тому же наложить на себя руки он решиться никак не мог, хотя бы потому, что был человек верующий.

К тому же родители его явно не перенесут такой потери, и огорчать их он просто не имел права. Не мог он и поделиться своим горем с тем же Гаревским, который явно рассмеется и, дружески похлопав его по плечу, предложит ему все забыть и познакомиться с кем-то другим, забыв о Маше.

«Нет, нет, нет, – повторял он про себя, – ни за что! Все одно, рано или поздно это должно разрешиться...»

Не раздеваясь, он лег на кровать и как-то сами собой пришли слова молитвы. Так незаметно для себя он уснул, а посреди ночи проснулся, вспомнил, что не приготовился к занятиям, зажег свечу и открыл книгу. А там наступило утро, и он, так и не выспавшись, отправился на занятия.

Незаметно в работе пролетели несколько дней, и он действительно начал забывать о том, что произошло. Хотя воспоминания нет-нет, да и накатывали вновь, но он переживал уже не так остро.

А на дворе за несколько дней совсем растеплилось и у растущих подле гимназии деревьев начали пробиваться первые листочки, на ветвях которых сидели серые воробушки, дружно чирикавая. Казалось, природа звала всех и каждого отвлечься от каждодневной работы и наслаждаться весенней погодой, неожиданно ожившей кругом. Потому Иван Павлович частенько подумывал, а не отправиться ли ему вместе с ребятами в ближайший лесок, где они смогут разжечь костер и вдоволь набегаться по лесу.

Но пожилые учителя, как он слышал, не раз говорили о зловредных клещах, которые подстерегают в лесу всех и каждого, потому он побаивался вести туда детей, чтобы с ними чего не случилось.

Но в один из дней, направившись домой после занятий, он встретил неожиданно для себя Василия Корнильева, который как ни в чем не бывало с улыбкой протянул ему руку для пожатия.

– Как поживаете, Иван Павлович, – спросил он, – вижу, пораньше домой спешите, как только занятия окончились.

– Да, вы угадали. Как понимаю, вы что-то сказать изволите? Отчего спрашиваете?

– Да хотел попросить вас пройтись со мной немного, если вы не очень спешите. Что на это ответите?

– Да как вам сказать, вроде спешу, но могу и пройтись с вами, коль того желаете. Отказать вам в том как-то даже не смею... Вы мне не враг, зла какого не держите, почему не пройтись...

– Благодарствую. – И тот подхватил его под руку, увлекая его к парадному выходу.

Выйдя на улицу, Менделеев глянул по сторонам и увидел стоящий возле гимназии на краю дорог экипаж на новомодных рессорах, в котором сидела Мария. Он вздрогнул и попятился назад.

– Куда вы? – с удивлением спросил его Василий.

– Да, знаете, забыл я там кое-что, вернуться надобно...

– Ой, Иван Павлович, не надо хитрить со мной. Мы ведь с сестрой просто поговорить с вами собирались, прощение попросить за наше давешнее обхождение. А вы сразу на попятную. Нехорошо как-то, вы уж оставайтесь.

– А что обхождение, – невнятно пробормотал Менделеев, – обхождение такое, как его иные заслуживают. Я не в обиде и прощения у меня просить незачем, – продолжал упорствовать он.

Но Василий не сдавался и крепко держал его под руку. Мимо них проходили ученики и с удивлением смотрели на происходящее, что еще больше смущало Ивана Павловича. Он решил, что в его положении лучше уступить Василию, чем вызывать немые вопросы среди учителей и воспитанников, явно наблюдающих за их препирательством. Потому он, осторожно ступая по придорожной грязи, стараясь не замарать ног, добрался до экипажа, откуда на них с удивлением и улыбкой взирала Мария.

– Глазам своим не верю, неужели вы так боитесь меня, что не захотели даже поздороваться или поговорить, в конце-то концов, хотя бы выслушать мои извинения? – спросила она.

– Какие могут быть извинения, когда я сам все испортил. Тем более, такие девушки как вы, не должны извиняться...

– Это почему вдруг? – не удержалась и рассмеялась она, – может, поясните, – какие такие девушки? А то мне как-то не совсем понятны ваши слова. Девушки они разные бывают, а меня вы к каким относите?

От этого ее вопроса Менделеев окончательно запутался. Глянул на Василия, стоявшего позади его, ожидая поддержки, но тот лишь весело улыбался и слегка подмигнул Ивану Павловичу, как бы предлагая поучаствовать в их игре.

– Ой, не знаю, что и ответить, вы меня окончательно смутили и ввели в полное помешательство мыслей и сознания, – отмахнулся он, боясь как бы опять не наговорить каких нелепостей, за которые потом самому же придется краснеть.

– Тогда садитесь в экипаж, поедem за город, там поговорим обо всем, – предложила Мария.

Ивану Павловичу не оставалось ничего другого, как послушаться, и он покорно занял место подле девушки. Заскочивший следом за ним Василий, уселся напротив и крикнул кучеру, чтобы тот ехал к Ивановскому монастырю.

Дорога местами подсохла, но встречались огромные лужи, которые они преодолевали с громким хлюпаньем рассекавших мутную воду колес. К тому же от конских копыт летели комья грязи, от которых приходилось уворачиваться, и Иван Павлович, словно щитом, заго-

родил свое лицо портфелем, а Маша раскрыла зонтик и каждый раз громко смеялась, когда в него попадал ком грязи. Лишь Василий, сидевший за спиной кучера, подняв воротник своей гимназической шинели, смотрел на них с улыбкой, не произнося ни слова. Наконец пошла более-менее исправная дорога и Маша со вздохом закрыла зонтик, стряхнула с себя водяные брызги и попыталась помочь Ивану Павловичу. Но он остановил ее движением руки и расправился с комками грязи самостоятельно.

Вскоре они достигли спуска с горы к монастырской обители и где-то под ними, внизу заблестали позолоченные церковные купола. Иван Павлович от неожиданности едва ли ни шепотом произнес:

– Признаюсь честно, я подобной красоты еще не встречал. Это кто же догадался вот так разместить монастырь внизу горы? Прежде все монастыри, что мне встречать приходилось, обычно на горке стояли, а тут вдруг... Нет, я просто слов не нахожу...

– Да, – согласился с ним Василий, – красота неопишная, потому сюда и отправились. А воздух-то какой! Нет, вы полной грудью вздохните, чтоб вкус его почувствовать.

– Никак река близко? Воздух здесь, словно с некой испаринкой, волглый...

– Точно подметили, река здесь как раз поблизости. Коль есть желание, то можем прямо к ней подъехать.

Услышавший его слова кучер Прохор закрутил головой и обронил:

– Никак не добраться нам туда, место топкое, застрянем, не приведи господь, а подмоги ждать неоткуда...

– Ладно, – примирительно откликнулся Василий, – там видно будет, решим ехать или нет.

Когда они спустились вниз с горы и подъехали почти вплотную к монастырским воротам, то Мария спросила:

– Зайдем внутрь или все же к реке проедем?

– А далеко до нее? – поинтересовался Менделеев.

– Да не особо, – не отрывая глаз от монастырских строений, отвечала Мария, – вода всем нужна, тем более что пустынноики и рыбной ловлей промышляют. Только вот мало кто у нас в Сибири соглашается в монастырь пойти и служить там, вдали от всего мирского до конца дней своих.

– А что так-то? – удивился он.

– А вы у них спросите, – вступил в разговор Василий, – не хотят и все тут. Силком гнать нельзя, вера не велит, а желающих особо и нет. Не тот мужик нынче пошел, нежели раньше, – рассмеялся он. – Вот хотя бы в Аремзянке на нашей фабрике та же картина. Бабушка рассказывала, как раньше там народ работал. От зари и до зари. Не то, что сейчас. Кому на покос, другому в город, а третий вид делает, будто тяжело болен. Хотите, я вам по секрету скажу, в чем дело? Только без передачи, а то и сами в ослушники попадете, и мне вслед за вами по первое число достанется.

– Не верится как-то, будто есть на этот счет секрет какой, – недоверчиво возразил Менделеев, – то и мои родители отмечают, когда после выпуска их навестил. Худо стали крестьяне слушаться господ своих. Но мне интересно, в чем вы причину нашли?

– Причина простая и сведущему человеку вполне очевидная: власть поменялась, реформы провели разные, наша православная церковь не в почете стала при императорском дворе, масоны разные появились, либералы там и иной народец, что на Европу раскрыв рты смотрит. Поди, про Михаила Сперанского слыхали?

– Как не слышать, самый близкий человек подле государя.

– Тогда должны знать, чего он напридумывал. А ведь государь его слушает, норовит помянуть все, что дедами нашими заложено было. Вот отсюда и весь кавардак пошел...

– Как-то не верится, что крестьяне, среди которых и половины читать не могут, вдруг да о тех преобразованиях, как вы выразились, прознали.

– Да именно, что толком они ничего не знают и знать не хотят. Но в стране такая подвижка в умах сделалась, что только глухой да слепой ее не заметят. Просто так на свете ничего не случается, всему объяснение имеется.

– Простите, Василий, а вам откуда все эти тонкости известны? Сами додумались или подсказал кто?

– Кто тут что-то подсказать может, – вступила в разговор Мария, которая, как оказалось, внимательно прислушивалась к словам брата. – Вася наш газеты получает из Лондона, из Берлина. Зря что ли языкам учился? Оттуда и сведения. В наших газетах ничего такого не узнаешь.

– Почему не узнаешь, – не согласился Василий, – если умеешь между строк читать, да ум имеешь, то и в них найти можно все, что тебя интересует.

– Ничего на этот счет сказать не могу, – осторожно ответил Менделеев, слегка ошарашенный услышанным от своего же гимназиста, который к тому же был на добрый десяток лет моложе его, – но обещаю разобраться. А то, что перемены грядут, тут могу с вами согласиться.

– Не думайте, что я против того, как в той же Европе народ живет, но когда во Франции короля и его супругу головы лишили, тут стоит задуматься: а не дойдет ли сия зараза вскоре и до нашей земли.

– Вспомните Пугачева, когда полстраны под его знамена встала, – поддержал его Менделеев, – еще бы чуть и ... не приведи господь, чтоб случиться могло...

– Вы только гляньте вокруг, – взмахнул руками Василий, – уж двести с лишком лет прошло, как русские люди тут селиться стали. И много ли осилили? Кой-какие деревеньки поставили, поля завели, покосы, чтоб с голоду ноги не протянуть и все на том. Мастеровых людей можно на пальцах пересчитать, а все больше рыбаки да охотники. Вот наши предки и салотопный промысел начали, стекольную фабрику основали, а потом еще бумажное производство под себя взяли. И что получили взамен? Вы у нас бывали, все наше богатство глазом видели. Велико ли оно?

– И почему так? – удивился Менделеев. – Маша мне говорила, что и журнал, который печатали, никакого прибытку не дал. Странно как-то... Не должно такого быть, мне вот почему-то думается...

– Правильно думается, – усмехнулся Василий, – народ наш к простоте привык, одну рубаху да порты к ней имеет и ладно. А начальственным людям и подавно не до того. Отсидел день в управе или еще где и айда домой поскорее. Нет, не скоро до Сибири дойдут все новшества, что в той же распроклятой Европе давно введены. И никого в том винить не собираюсь, поскольку сам не знаю, где она правда и как положение наше выправить. Потому и в столицу хочу попасть, может там добрые люди чего подскажут...

– Да, куда взгляд не кинь, кругом дел столько, каждому на всю жизнь хватит, а еще детям и внукам достанется. Отхватили мы себе землицы, как говорится, не по чину. Хотя, если честно сказать, то в моей родной Тверской губернии все тоже самое, ничуть не лучше, нежели здесь, в Сибири, – вздохнул Менделеев. – Вот мы начали о монастырях говорить, так ведь и у меня на родине тоже монастыри полупустые стоят. Не все правда. Говорят, что до указа императрицы Екатерины, когда у большинства монастырей почти всю землю и другие угодья отобрали, совсем иное дело было.

– Так что решим? – перебила их Мария, которой видно стали скучны ни к чему не ведущие рассуждения, тем более что Прохор остановил экипаж у монастырских ворот и ехать дальше не спешил. – Зайдем внутрь монастыря или дальше поедем? Чего зря время терять...

– Я бы не отказался на Иртыш вблизи глянуть. Тем более говорят, что лед совсем недавно прошел, – высказал свое мнение Иван Павлович.

– Верно, – согласился Василий, – так оно и есть, чистая река, уже разлиव начался, все кругом затопленным стоит.

– Это как же так? – вновь удивился Менделеев. – У нас тоже реки по весне из берегов выходят, но ненадолго. А как тут в Сибири, то мне непонятно.

– Увидите скоро все своими глазами. – И Василий крикнул кучеру, чтобы тот без остановок ехал дальше.

– Боюсь, барин, застрянем, дорога больно топкая, – вновь стал канючить он, делая это как-то лениво, даже не поворачивая головы. По всему было видно, что ехать дальше по какой-то причине ему просто не очень хотелось. Может, потому, что рядом был монастырь, где любому путнику всегда рады, принимают всех, ставят угощение, поят квасом, а могут и сбитень подать. Да и тепло внутри, то не на облучке сидеть открытым всем ветрам.

– Как топкое место окажется, там и встанем, а мы дальше пешком пройдем, – решительно пресекая всяческие пререкания, твердо заявил Василий.

Прохору ничего не оставалось, как подхлестнуть коня и по узкой, извилистой дорожке ехать в сторону видневшейся вдалеке беспокойной реке. Вскоре им действительно пришлось остановиться. Оставив кучера присматривать за конем и экипажем, все трое двинулись по щиколотки в жидкой грязи, обходя большие с мутной водой лужи, возникшие после недавно растаявшего снега.

До речного берега они добрались на удивление быстро, хотя и промочили ноги, в наиболее топких местах, однако ни один не пожаловался, не предложил повернуть обратно. Зато теперь они могли вволю любоваться могучей рекой, разлившейся столь широко, что с трудом можно было определить, где находится противоположный берег. При этом речной водой были затоплены прибрежные кустарники и все пологие места. Серое небо мало чем отличалось от такого же цвета воды, и кромка горизонта для мимолетного взгляда была совершенно неуловима, а потому казалось, что ты находишься в гигантском шаре с висящим над тобой куполом, отчего любой человек ощущал себя малой песчинкой, затерянной в глуби мироздания. И тут, на берегу великой реки, раскинувшей полог своих вод настолько далеко, что ты не можешь себе даже представить, где они заканчиваются каждый невольно начинал думать о боге, создавшем этот мир, и позволившем человеку самому выбирать, где ему жить, селиться, не вступая в конфликт с природой.

Так и хотелось спросить самого себя: а что ты в силах противопоставить силе стихии, словно предупреждающей тебя о бесполезности всех твоих трудов и деяний, если они творятся не во благо малой горстке людей, рассыпанной по необжитой земле, словно зерно по полю.

Но в то же время Ивану Павловичу, невольно ощутившему в себе избыток сил, хотелось закричать во все горло:

«Нет, река, зря пугаешь нас и пытаешься затопить все живое. Не дадимся, выстоим под твоей мощью, потому что мы люди и знаем, как бороться со стихией. Ты даже не подозреваешь, сколько сил таится в человеке, если он любит и готов добиться своего, чего бы это ему не стоило».

Василий, взглянувший на него, даже удивился тому, как преобразилось лицо молодого учителя, словно он испил живой воды и набрался сокрытых в ней сил, весь расцвел, окреп и готов был сокрушить любое препятствие, оказавшееся на его пути.

– И что скажете про наш Иртыш? – спросил он. – В России таких рек не встретишь...

– Это точно, – согласился Менделеев, – они там у нас какие-то ручные, словно гребнем приглаженные. А вот здесь, в Сибири, река эта словно вызов людям бросает, на хищного зверя похожа, что свои владения защищает. И лучше с ней не шутить, а то сметет и не заметит...

– А вон, видите, лодки? – показал рукой Василий куда-то вдаль. – То рыбаки в эту пору, несмотря ни на что на рыбную ловлю вышли. Для них река скорее друг, особенно, если улов хороший.

– Человек дерзок, верит в свою удачу, а вот я бы не рискнул. Чуть ветерок подует и перевернет их жалкие посудины, да и их самих потопит.

– Никогда бы не подумала, что вы воды боитесь, – глянула на него Маша, – видать, плавать не умеете? А я хоть весь день могу из воды не вылезать, будто родилась там.

– Скажу вам по секрету, что деревенские бабы сестричку мою русалкой считают. Даже побаиваются с ней вместе в речку заходить, – с усмешкой пояснил Василий.

– Глупости это все, – перебила его Маша, – наговорят всякого, а ты и рад повторять. Вот придет лето, пригласим Ивана Павловича к нам в Аремзянку, там посмотрим на что он способен.

– Ну, все, – спохватился Менделеев, – спасибо вам за поездку и чудное зрелище, но пора и обратно в город возвращаться.

– А куда спешить, – беспечно возразила Маша, – темнеть еще не скоро начнет, тем более что у меня к вам разговор есть. Но, правда, надо выбираться отсюда, а то с мокрыми ногами и простыть недолго.

Глава девятая

На обратном пути они вновь проехали мимо монастыря. У ворот стоял пожилой монах, заросший седой бородой и с тоскливым взглядом в потухших глазах. Весь его скорбный облик, а тем более то выражение, с которым он смотрел на проезжавших, говорили сами за себя. И Менделеев не удержался, чтоб не спросить:

– Как, по-вашему, о чем этот пустынный тоскует? Неужели ему так грустно в стенах обители?

– А вы бы смогли закрыть себя в четырех стенах без семьи, без детей, без надежды выйти оттуда и при этом ощущать себя свободным? – вопросом на вопрос ответил Василий.

– Даже как-то не думал об этом...

– Да кто вам сказал, что он не свободен? – горячо возразила им Мария. – Он свободен духом и это главное. А семью им господь заменяет. Разве этого мало?

– А давай его самого спросим, – неожиданно предложил Василий и тут же крикнул кучеру:

– Эй, Прохор, стой, мы выйдем ненадолго.

Тот нехотя остановил коня, недовольно посмотрел на господ, что живехонько выпрыгнули из экипажа и двинулись к одиноко стоявшему у ворот обители с деревянной бадьей в руках монаху, смотревшему на приближающихся нарядно одетых господ с нескрываемым удивлением.

– Мир вам, отец, – начал Василий, поклонившись старцу.

– Благословите, батюшка, – склонила голову Мария.

– Не могу, дочь моя, поскольку не рукоположен в сан, а просто подвигаюсь при сей обители.

– Христос воскреси, – вслед за всеми поклонился ему Менделеев, поскольку до Троицы было еще далеко.

– Воистину воскресе, – ответил, тот.

– А мы тут грешным делом спор устроили, – признался Василий, – никак не можем понять, отчего мужики наши в монастыри идти не желают, оттого ваш монастырь в запустении стоит, никто к вам и не ездит, что разруха одна кругом. Вон кругом сколько работы, только успевай поворачиваться. А вы тут сидите праздно, иначе не скажешь, лентяи да бездельники. Разве не так?

– Василий, сбавь тон. Твои взгляды мне хорошо известны. Ты бы лучше поинтересовался, что сам старец о том думает, – одернула его сестра. – Будь посдержанней...

– Зря ты, дочка, так к нему. Молод он еще, а потому горяч. Слова сами наружу просятся, так и выскакивают. Ничем он меня не обидел. Даже хорошо, что подошли ко мне старому. Давно с людьми светскими беседы не вел, все со своими затворниками, как и я. Нас тут всего-то трое-то стариков и осталось, а все прочие разошлись кто куда...

– А вы, отче, как в монастыре оказались? По своей ли воле? – Василий продолжал сыпать вопросами, которые, похоже, давно его мучили и не давали покоя.

– Как же не по своей, – отвечал тот с достоинством столь неприсущей обычному монаху, – без этого тут делать нечего. Все, кто в монастырь идут, то по воле божьей делается. А как иначе? Иначе и не бывает...

– Почему же в миру жить не стали? – включился в общий разговор Менделеев.

– Уж так видать вышло. Кто б мне раньше сказал, ни за что бы не поверил. Сперва жена умерла, потом лавка моя сгорела, где торговал понемногу. Трое деток у меня вдовца на руках осталось. Ладно жена родня да мои братья их к себе позабирали, помощники в доме всегда

нужны. Вот и пошел я к батюшке нашему, спрашиваю, как быть? Хоть руки на себя накладывай, и полушки нет за душой, чтоб за упокой души любезной моей женушки свечку затеплить...

– А вас как зовут? – поинтересовалась Мария, у которой от рассказа монаха даже слезы на глаза навернулись.

– Силуаном назвали, как постриг принял. А до того Сергеем кликали.

– Что же вам батюшка присоветовал? – напомнил ему Иван Павлович.

– Что он мог сказать? Обещал с владыкой перемолвиться, тот и благословил меня на монашеский подвиг.

– Это почему подвиг? – удивился Василий.

Старец внимательно глянул на него, словно не понял вопроса. Потом чуть помолчал, вздохнул и негромко пояснил:

– Как иначе сказать, не ведаю. Но подвиг, он и есть подвиг, коль тебя сам господь к служению монашескому приставил. Думаете, легко? Взяли бы, да и проверили...

– Да вы говорите, мы слушаем, – подбодрила его Мария.

– А я и скажу, все как есть скажу. – Взгляд монаха вдруг сделался твердым, решительным, и дальше каждое свое слово он произносил без колебаний, не сбиваясь с начатого: – живем мы тут, хоть и вблизи от города, но словно всеми забытые. Новый владыка, как принял кафедру, ни разочка к нам не наведалься. Пропитание сами себе добываем: рыбачим, огородик небольшой поднимаем. То ладно, а вот как одежда изнашивается, новую заказать, на то средств никаких не имеется. Потому и донашиваем лохмотья свои до последней возможности. Опять же дров на зиму никто нам не привезет, сами из леса таскаем, у кого силенок хватает.

– Неужели даже лошади нет? – удивился Менделеев.

– Откуда ей взяться. Ране говорят, была кобылка, да срок пришел, она и померла.

– Что же местные мужики пособить не могут?

– Куда там. Они дажесь храм наш стороной обходят, словно нехристи. Игумен наш ходил к ним, умолял слезно, а те ни в какую. Смеются, мол, молитесь шибче, вот бог и услышит, помощь прийдет.

– Написали бы письмо в консисторию о безвыходном своем положении, – предложила Мария.

– А то, как же, писали... Владыка обещал помощь оказать. И ничего... Видать, других дел много, – безнадежно махнул он рукой.

– Давайте лучше я вам воды принесу. – Василий решительно взял из рук старика деревянную бадейку и направился к небольшой речушке, протекающей поблизости.

– Вот, возьмите на помин души представившихся родственников наших, – подала ему незначительную сумму денег Мария.

– Имена их знать надо, – ответил тот, принимая деньги.

– Имена их господу известны, – со вздохом отвечала она.

Пока Василий спускался к речке, старец стоял в задумчивости, будто отрешился от этого мира и перенесся в иные дали никому, кроме него, не доступные. Его не касалось все происходящее вокруг, в том числе и молодые люди, стоявшие совсем рядом и, как и он, занятые собственными мыслями. Воспользовавшись моментом, Мария наклонилась к Ивану Павловичу и тихо спросила:

– Вы на меня тогда сильно обиделись?

– Это когда? – не сразу понял он.

– А в тот раз, когда вы пытались мне руку поцеловать, – уточнила она с лукавой искоркой в глазах.

– Вот вы о чем, – вздохнул он, – да почти уже и забыл. А что это вдруг вспомнили про тот случай?

– Вину свою чувствую, хочу извиниться.

– Зачем? – испуганно замахал он руками. – Не стоит старое беречь, ни к чему. Что было – то прошло...

– Как скажете, пусть будет, по-вашему, забудем то, что было, – успокоила она молодого учителя, – Обещаю больше не вспоминать тот случай, когда мы оба оказались не на высоте. Но знаете, вот сейчас я даже совсем и не против, если вы повторите ту свою первую попытку. Как знать, может на этот раз более удачной окажется, – и она, чуть жеманно протянула ему свою правую руку, предварительно сняв с нее перчатку. – Ну, что же вы? Смелее, прошу вас, – подбодрила она растерявшегося Ивана Павловича, видя его полную растерянность на грани смятения.

Менделеев почему-то кинул взгляд в сторону монаха, который в этот момент смотрел с улыбкой на Василия, что нес, чуть наклоняясь, бадейку с водой. И лишь после того решительно, хотя и несколько торопливо, наклонился и неумело чмокнул протянутую ему руку, отчего тут же покраснел, в глазах все поплыли разноцветные круги и он, с облегчением вздохнув, как после тяжелой работы, чуть качнувшись, боясь потерять равновесие и ненароком упасть, с трудом распрямил спину, и вновь глянул в разные стороны, будто опасался, не видел ли кто его скоропалительного поступка.

– Вот, теперь совсем другое дело, – улыбнулась она, натягивая перчатку. – Теперь мир? Вы меня прощаете?

На этот раз уже не выдержал наконец пришедший в себя Иван Павлович и громко расхохотался:

– Вот, значит, вы какая! Никогда бы не подумал ...

– Какая? – игриво спросила она. – Нет, вы скажите, я жду...

– Вы необыкновенная! – прошептал он и, взяв ее руку, приложил к своей горячо пылающей щеке.

– О чем это вы? – спросил Василий, тяжело отдуваясь и опуская бадейку с водой на землю.

– Да мы так, шутим, – ответила ему сестра с обезоруживающей улыбкой.

– Это хорошо, – не заметив произошедшей с сестрой перемены, ответил он. – Вот, отец, водичка вам, пейте на здоровье. Чистая, как слеза, пока нес, успел испробовать. Кажется, вкуснее воды пить не приходилось...

– Благодарствую, – поблагодарил тот, – а то у меня ноги болят с самой зимы. Одно наказание, как выпадет мне очередь за водой идти. А вкус у нее особенный, поскольку рядом бьет родник святой. На этом месте, когда икону Абалакскую несли, чудесное исцеление случилось отроковицы слепой. Здесь она и прозрела. Потому и монастырь рядом со святым источником заложили, чтоб он нам силы давал. Мы его бережем, как можем. А тебя, сынок, обязательно помяну в молитвах своих. Как кличут-то тебя, милоч?

Василий назвал свое имя, а также имена спутников, что были с ним. Монах подхватил бадейку и, низко поклонившись, скрылся за монастырскими воротами. А молодые люди, чуть постояв, собрались идти к экипажу. Вдруг Мария, обратилась с самым невинным видом к брату и негромко сказала:

– Знаешь, Васенька, пока ты на святой источник за водицей ходил, тут еще одно чудо произошло...

– Это что же за чудо? – шутливым тоном спросил он. – Может вам архангел явился или кто иной? Вот ведь и на минутку вас оставить одних нельзя, тут же всяческие чудеса случаются...

– А ты смеяться потом будешь, – на удивление серьезно ответила ему сестра. – Не знаю, как тебе, а для меня и впрямь чудо... – Она чуть помолчала, перевела взгляд на Менделеева и выпалила скороговоркой: – А чудо в том, что Иван Павлович предложил мне свою руку и

сердце. И даже поцеловал. – С этими словами она вновь стянула перчатку, продемонстрировав то место, куда был произведен поцелуй.

Менделеев в изумлении застыл, не зная, что и сказать. Он ожидал всего: шуток, скандала, обычных насмешек, к которым он уже по привычке, но только не этого. Ему невольно вспомнился известный персонаж из итальянской оперы, что давали в Петербурге, где точно так же одна прелестная дива обольщает своего ухажера, в результате чего он против собственной воли сватается к ней. Но чтобы обожаемая им Мария и вдруг произнесла такое... Он даже покрутил головой, соображая, не ослышался ли он.

– Я знал, что рано или поздно этим закончится, а потому поздравляю вас от всей души, совет да любовь, как говорится, – подвел итог ее словам Василий. – А вы, Иван Павлович, как погляжу, будто не рады? Или что не так? Может Машуня по привычке пошутила? Что молчите?

– Нет, все правильно, – поспешил согласиться еще не пришедший в себя новоявленный жених, – я давно хотел сделать это, а тут вот решился. Простите, если сделал это не по правилам или не по обычаю, даже не знаю, как и сказать...

– Да какие тут могут быть правила, – отмахнулся Василий, – но, если честно, я рад за вас. И от души поздравляю.

– Думаю, нужно спросить благословения у отца, у той же бабушки, еще неизвестно, что они скажут. А против их воли я не пойду, – задумчиво произнесла Мария.

– И мне тоже следует известить родителей, – поспешил добавить Иван Павлович.

– Конечно, конечно. Думаю, что все решится самым лучшим образом, – высказал свое мнение Василий, – а там, глядишь, коль все сладится, станем сватов поджидать. Верно говорю? Тут дедовский обычай никак нарушать не следует.

– Да-да, конечно, – кивнул Менделеев, – сегодня же отпишу на родину, а как ответ будет, заявимся к вам, коль позволите, и со сватами, и с подарками. – И он широко улыбнулся, глядя в сияющие Машины глаза.

Та в ответ тоже улыбнулась ему и чуть заметно ему подмигнула.

...Вечером в людской дома Корнильевых собралось около десятка дворовых людей, которые с жаром обсуждали известие, принесенное кучером Прошкой.

– Как есть говорю, сам все слышал, – в который раз повторял он, – учитель тот, что стал к нам часто наведываться, когда мы возле Ивановского монастыря остановились, барыне нашей предложение сделал.

– А я предупреждала, не зря он к господам хаживал, ох не зря. У дворника спрашивала, чего энто он едва не каждый божий день к ним заявляется, будто к себе домой. Он мне и сказывал, мол, за книгами какими-то к ним хаживает. И как обратно идет, непременно книги какие-то в охапке с собой тащит. Я тогда еще подумала, на кой сдались ему эти книги? Что в них толку-то? А оно вон как повернулось, потом уже поняла, книжки те он для вида брал, а в самом деле вокруг нашей Машеньки увивался, видать, сироту нашу соблазнить хотел. Ан, ничегошеньки у него не вышло, так он теперь, выходит, с другого бока зашел, с предложением, значит, – зычным басом, перекрывая прочие голоса, высказала свое мнение дотошная во всем старшая повариха Клавдия.

– Только пока сватов не заслали, говорить о том рано, – смело вставил свое слово отставной солдат сторож Кондратий.

– Это дело скорое, сваты, – отмахнулась все та же Клавдия. – Мы еще поглядим, согласятся ли старики выдать Машку за приезжего училищника, у которого, как погляжу, в кармане только вошь на аркане.

– А я вот чего думаю, как Мария скажет, так оно и будет, – заявила ее нянька Параскева, воспитавшая с пеленок саму Машу, – мне ее норы с детства знаком, на чем настаит, так оно и будет.

– Где же они жить-то станут? – осторожно подал голос молодой паренек Петька Васильков, как все знали один из первых воздыхателей Марии.

– Может у нас в доме места хватит, – со знанием дела заявила Клавдия, а может в учительский дом пойдут, где всех приезжих селят. Жалко девку, придется ей самой хозяйство вести, ежели старики кого из помощниц к ней не отрядят.

– У нас вряд ли, – усомнился Кондратий. – Яшкина женка им проходу не даст. Давеча сама Марфа Ивановна, говорят, грозилась ее вон прогнать, да сына больного пожалела.

– Сама такого родила, кого ж винить-то...

– А ты, коль ничегошеньки не знаешь, лучше бы помолчала, – топнула ногой нянька, – Димочку то она справным родила, это потом с ним беда приключилась. А вот, когда Яшу под сердцем носила, то хозяин наш, Василий Яковлевич лют больно стал, когда пожар случился. Пришлось ему хоромы свои каменные в казну подешевше отдать, а он это дело пережил с великим трудом, словно оскорбление на себя какое, стал на всех зол, несговорчив; начал считать каждую копейку, собственную супругу, Марфу Ивановну, да простит она меня за такие слова, обвинял в излишних тратах, а потом под горячу руку начал даже ее поколачивать. Может, иногда и за дело, а чаще без всякого на то повода. Потому и Яша хворобым родился, чему я истинная свидетельница буду. Вот и скажите мне, разве его вина в том, что на свет он больным появился? Хвала господу, что худо ли, бедно ли, а живет помаленьку...

– Да мы не о том – примирительно высказался Кондратий, – ежели Дмитрий Васильевич со старой матерью тут одни останутся, тот Агрипка их рано ли, поздно ли со свету сживет.

– А как же Василий? Слыхал, будто она его пуще огня боится. Он за стариков первый заступник будет, в обиду не даст, – погрозил кому-то грязным кулаком Кондратий.

– А ты и не знаешь, что он собрался уезжать из города? – ехидно спросила все та же Клавдия.

– Как уезжать? Это куда же? – растерялся тот.

– Вот когда уедет, поди, и мы про то прознаем, а сейчас чего языками впустую чесать. Ладно, пора ужином заниматься, – решительно закончила на этом разговоры повариха и пошла к себе на кухню. Чуть посидев, разошлись и остальные.

Глава десятая

...Как и что происходило в дальнейшем, Иван Павлович помнил с трудом. Все казалось ему нереальным, словно в густом тумане, что случался у него на родине в покосное время, когда солнце уходит за горизонт, и поля окутывал белесый, укрывающий стога и людей, да и все окрестности густой, непроглядный туман.

Тем же вечером он написал письмо родителям, где просил их благословения на брак с купеческой дочерью Марией. Утром отнес письмо на почту и, вернувшись, известил двух знакомых ему учителей: Семена Гаревского и Ивана Борисовича Лафинова, человека еще не старого, но уже в годах, о предстоящей свадьбе, прося их быть сватами. Те, поздравив коллегу, тут же дали согласие и условились о дне прихода в дом невесты. А вот после сватовства пошли сплошные хлопоты: экзамены воспитанников, поиски портного для пошива праздничного платья, переговоры с батюшкой о предстоящем венчании и много чего другого.

С Машей они виделись всего раз или два, ни о чем толком не успевали поговорить, потому как тут же появлялся ее брат с различными вопросами по организации свадьбы или, тяжело сопя, заходила в гостиную Марфа Ивановна с вопросами, что подавать на стол во время свадьбы, поскольку сама она решить это не могла.

Ответ от родителей пришел довольно скоро. Они давали свое благословение и надеялись, что молодые побывают и у них в скором времени. Вместе с письмом они прислали сыну немного денег, понимая, что они ему понадобятся в самом скором времени.

Сватовство прошло вполне успешно, если не считать чересчур усердно нахваливавших жениха сватов, которые хватив наливки, дружно порывались поцеловать раздумывавшую невесту.

Иван Павлович с трудом проводил их до дома, где Гаревский теперь уже без устали продолжал нахваливать невесту:

– Ой, и повезло тебе, Ваня! Где мои глаза были, когда мы с ней познакомились на концерте. Не углядел, каюсь, не углядел. Хотя моя невеста в Петербурге осталась, глядишь и дождется жениха своего. Тоже из хорошей семьи: отец ее столбовой дворянин, имеет собственную родовую усадьбу. Да его весь Петербург знает, но вот кто он, тебе пока не скажу, рано еще, а то глядишь, сглазишь, чего доброго.

Зато семейный Лафинов, опьяневший больше других, лишь хлюпал носом, поправляя очки, и согласно кивал на слова Гаревского. Потом он все же решил дать совет жениху:

– Главное, Иван, с приданым не прогадай. Мне говорили, что люди они весьма состоятельные, одной дворни сколько, ого-го! Нам с тобой и не снилось. Глядишь, заделаешься помещиком, будем перед тобой при встрече шапки скидывать да низко кланяться. Не прогадай, слушай меня...

Когда они уже распрощались и направились в свои квартиры, Гаревский окликнул Менделеева:

– Слушай, Иван, – смело перешел он на «ты», – а про обручальные кольца не забыл? А то, гляди, в самый ответственный момент во время венчания опростоволосишься перед всеми.

Иван Павлович так и застыл и хлопнул себя по лбу ладонью:

– Конечно, забыл. Ведь еще думал, что надо где-то в городе поискать лавку ювелира и во те на, совсем вылетело из головы, спасибо, что напомнил.

– Ничего, время еще есть, мне известна та самая лавка. Могу проводить и на правах друга посоветовать, что брать, а то тебе, чего доброго, подсунут дрянь какую, опять же конфуз будет. Деньги хоть есть на кольца или дать взаймы?

– Родители прислали семнадцать рублей, но часть из них за костюм портному отдал, а во сколько кольца обойдутся, даже не знаю.

– Ничего, ежели не хватит, добавлю по-дружески.

– Ой, спасибо тебе большое, Семен, – так же перешел на «ты» Менделеев, – даже не ожидал от тебя такой щедрости... Как жалованье получу, верну непременно. Подождешь немного?

– Подожду, подожду, а сейчас все, отдохнуть, – помахал ему рукой Гаревский.

Лавка ювелира находилась в неприметном месте возле базарной площади и единственное, что ее отличало от прочих купеческих лавочек и лабазов, были крепкие стальные решетки на окнах и внушительные замочные петли на дверях. Из глубины к ним вышел пожилой хозяин в восточном халате и тюбетейке на плешивой голове. Его лицо украшала длинная седая борода, едва ли не до самого пояса.

– Слушаю вас, молодые люди, – с поклоном произнес он, хитро щуря глаза и присматриваясь к посетителям. – Зачем пожаловали? У меня товар разный имеется, готов показать все, что прикажете.

На другой день Иван Павлович зашел к директору Эйбену. Тот был уже в курсе предстоящей женитьбы одного из своих учителей и поздравил его со столь значительным событием. Дело было после обеда и, судя по всему, он успел принять изрядную доли хмельного напитка, отчего стал более разговорчив и даже откровенен.

Выслушав поздравления и поблагодарив директора, Менделеев перешел к основной теме своего визита, выразив ему свое желание видеть его среди гостей. А после того, как барон расплылся в благодушной улыбке и дал свое согласие, изложил свою главную просьбу: выделить ему в учительском доме три подходящих для проживания комнаты. Барон удивился его просьбе и спросил, не хватит ли молодой чете двух комнат, которые в настоящее время как раз пустуют. Но Менделеев стоял на своем, доказывая, что одну займет он сам с супругой, в другой должна разместиться прислуга из двух обещанных родителями невесты девок, а третья будет служить столовой.

– По штатному расписанию мне еще и кабинет для работы положен, – добавил он, не надеясь на успех.

Барон в ответ лишь громко рассмеялся, потом встал из-за стола, подошел к нему и похлопал по плечу:

– Этого я вам обещать не могу, но посмотрю, что можно сделать. Не буду скрывать, вы мне нравитесь. Не то, что ваш товарищ, который строит из себя непонятно кого. Вы истинный русский человек, который... Как это правильно сказать? Не держит в кармане, забыл это слово...

– Фигу, – подсказал ему Менделеев, – или лучше подойдет – кукиш.

– Что это значит? – удивился тот.

– А вот что, – ответил, ничуть не смутившись, Иван Павлович и поднес к носу барона известную фигуру, сложенную из трех пальцев.

– Фи, как некрасиво, – обидчиво произнес тот, скривя лицо в гримасе, – нехорошо показывать это своему директору. Никак не хорошо.

– Так вы же сами просили, – развел руками Иван Павлович, – вот я и показал, что ничего в кармане не держу, все на виду.

– Вы меня окончательно смутили. – Барон утер вспотевший лоб батистовым платком. – Идите и никому не сообщайте об этом. Нехорошо...

Но, когда Менделеев уже подходил к двери, остановил его и спросил:

– А если ваша просьба будет удовлетворена, то не будете ли вы так добры, выполнить мою?

– И в чем она заключается? – не скрыл своего удивления Иван Павлович. – Если что по службе, то вы можете просто приказать, а коль касается чего-то другого, тут обещать не могу.

Тогда Август Христианович путано объяснил Менделееву, что нынешней осенью ему предстоит поездка по всем губернским городам с целью открытия там учебных заведений, а

вот местное начальство по непонятным причинам тянет с этим, казалось бы, нужным делом уже который год. Но, поскольку сам барон неважно себя чувствует, то желал бы возложить эту обязанность на молодого коллегу. Иван Павлович нехотя, но все же дал свое согласие. На этом они расстались.

...Накануне свадьбы он ненадолго заглянул к Корнильевым повидаться с Машей и обрадовать ее тем, что директор обещает им выделить несколько комнат под жилье в учительском доме. Но едва он заговорил с ней, как к ним заглянула горничная и смущенно попросила «их благородие» пройти в столовую, где его ждут. Он извинился и, оставив невесту в одиночестве, проследовал за горничной.

Там за обеденным столом собрались все члены семейства Корнильевых, исключая Якова и его женушку. Говорить от имени всей семьи начал Василий:

– Дорогой Иван Павлович, мы все несказанно рады, что завтра породнимся с вами. Но наш долг, как то водится издавна, дать за невестой хоть небольшое, но приданое. Что скажете, батюшка?

Дмитрий Васильевич согласно кивнул и подвинул к центру стола резную шкатулку красного дерева.

– То и есть наше приданое, – подтвердила Марфа Ивановна, – да еще двух наших девок вам в услужение передаем. Они хоть и отпущенные, но согласие свое на то дали. Будут Машеньке по дому помогать.

Иван Павлович не знал, что и сказать в ответ. Поднявшись, он низко поклонился, приложив правую руку к груди, и вышел вон. Корнильевы лишь с удивлением переглянулись меж собой, а Василий взял шкатулку со словами:

– Коль так, лучше Маше передам, она знает, как родительским наследием распорядиться.

Глава одиннадцатая

...Подготовка к предстоящей свадьбе в Корнильевском доме больше походила на сбор ратного люда в военный поход или рекрутский набор, только участвовали в этом благом деле наравне и мужики и бабы. Женским племенем заправляла все еще властная и распорядительная, имеющая зоркий глаз и отменную память Марфа Ивановна. Она, собрав в столовой всех девок и замужних баб, повелительно назидала им:

– Перво-наперво готовьте столовые приборы. Молодым ставить бокалы цвета голубиноного с ангелами на чашечке и глядеть, чтоб никто посторонний их не лапал своими ручищами, а стояли они от начала и до конца гуляния нерушимо перед молодыми на положенном месте. Дружкам бокалы ставить перламутровые с архангелами на них выбитыми, и тоже чтоб никто не смел мешать их с иной посудой. Остальным же гостям выберите чего поплоче из посуды. Помнится, были у нас светлого хрусталя бокалы, вот их гостям прочим и ставьте. Но, – она сделала паузу и погрозила указательным пальцем, – чтоб все по счету! Да глядите зорче, чтоб лишних бокалов меж гостей не стояло. Все поняли? – И она грозным взором обвела всю собравшуюся прислугу.

– За столами ты, Капитолина, присмотр держишь и передо мной лично ответ несешь. Выдам тебе двадцать четыре посудыны и чтоб столько же вернула, а коль битым окажется хоть один бокал, ответишь, сама знаешь чем.

Капитолина жеманно поджала губы, но возразить хозяйке не посмела, и лишь тяжело вздыхала, понимая, что вряд ли удастся сохранить в целности всю посуду во время шумного гулянья. Потому соображала, как бы выкрутиться и подсунуть что иное взамен побитого, тем более что некоторый запасец в кладовой у нее имелся, и чуть повздыхав больше для вида, она вроде как успокоилась.

– Блюда и закуски разносят шесть девок. Кого надо, сама отберу, чтоб морды без прыщей были и зубов гнилых не видать. И чтоб улыбались гостям каждая, будто золотой целковый в кармане у себя нашли. Всем нарядиться в одинаковые сарафаны, морды наругать и белыми платками космы свои завязать. Волосья всем с вечера вымыть со щелоком, причесать на русский прямой пробор и маслицем слегка смазать. Не приведи господь, если какой насекомый с них гостю на тарелку вдруг спрыгнет.

Девки было прыснули с ее слов, но сдержались, ощутив на себе пристальный взгляд хозяйки, которая, особо не прерываясь, продолжала обсказывать ход свадьбы.

– Первым делом легкую закусочку поднесете: грибочки соленые, редьку тертую, капустку там квашенную, поди сами все не хуже моего знаете. Да старайтесь грузди перед знатными гостями ставить, их ныне мало набрали, а иным и чего поплоче сойдет. Уж я сама за тем прослежу. Потом рыбку солененькую тащите, как первую закуску прикончат, ту посередь стола ставить, чтоб любой дотянуться мог, а уж икру осетровую каждому на отдельном блюдечке, чтоб лишнего не требовали. Получил свое и ладно. Да глядите у меня, чтоб у самих к икре язык не прилип, а то замечу, заставлю этим языком горячую сковороду лизать.

– И впрямь, как ад, только на земле Марфушенька нам пророчит, – шепнула одна из наиболее бойких девиц другой.

– С нее станется, она еще вздумает по счету икринку каждую нам выдавать, – отвечала та тоже шепотком.

– Во-во... – хотела продолжить ее подруга, но была прервана зычным окриком Марфы Ивановны:

– Разговорчики потом говорить станете, а покаместо все как одна меня слушайте, языки проглотив.

Девки притихли и дальше стояли молча, опустив глаза в пол. Заглянувший в этот момент Василий, тут же ретировался обратно, боясь, как бы и ему не перепало под горячую руку. Но не преминул высказать свое мнение, ни к кому при том не обращаясь:

– Нашей бабуле в пору казачьим полком командовать, все бы по струнке ходили, и послушаться боялись.

Сама же Марфа Ивановна от великого напряжения сил и чувств вскорости подустала, и горничные девки были отпущены, а их место заняли поварихи во главе с дородной Клавдией. Тут разговор пошел более привычный и обыденный, поскольку сама Клавдия умела командовать ничуть не хуже своей хозяйки, и та лишний раз не решалась вторгаться в ее кухонную вотчину. Обговорили лишь время, когда следует начинать стряпню и какое из горячих блюд лучше подавать первым, да что оставить захмелевшим гостям напоследок.

Вдруг, уже собравшись отпустить всех, Марфа Ивановна всплеснула руками и воскликнула:

– А про каравай, которым положено молодых встречать после церкви, совсем забыли?!

– Как можно, – тесто для него уже с вечера поставлено, только что проверяла. Поднялось хорошо, как время придет, мы его в печь и поставим, чтоб хлеб пропекся, а после печи в тряпицы холщовые укутаем, да жениху с невестой после венчания сразу и вручим.

– Ну, тогда ладно, вроде все обговорили, помоги нам господи. Сами понимаете, дело сурьезное, единственную внучку замуж отдаю и опростоволоситься нам никак нельзя. Вы уж, девоньки мои, не подведите, всех одарю сполна, последнего не пожалею.

– А то как же, матушка! Мы душу свою вон вынем, но стготовим все ничуть не хуже, чем на губернаторский стол подают. Сами потом скажете, когда все наши яства отпробуете...

– Мне только и осталось, что разносолы ваши за щеку пихать. У меня и других дел хватит. Свадьба-то, как не крути, вся на мне, понимать надо. – И с этими словами, тяжело ступая, Марфа Ивановна удалилась к себе, чтоб хоть немножко отдохнуть и в который раз подумать о том, как пройдет важное для всей их семьи событие.

...В этот же самый вечер сторож Кондратий, обличенный хозяйкой дома начальственными полномочиями, собрал в людской мужскую половину дворни, готовя их к предстоящей свадьбе.

– А вы, добры молодцы, хозяев наших не посрамите, оденьтесь во все праздничное, да не забудьте сапоги дегтем смазать и, раньше, чем застолье начнется в рот ни капельки хоть какого зелья не брать. Да чтоб глядели на гостей браво, весело, словно перед причастием.

– А нас батюшка наставлял к причастию, когда идем, то в пол глядеть и вести себя со всей скромностью и почтением, – не согласился с ним Гаврюха Мальцев, детина смирный, но к чужим словам не в меру придиричивый.

– А я что говорю? – не растерялся Кондратий. – Так оно и должно быть, с почтением во взоре, но чтоб морды у всех были не постные, будто вас к самой черной работе приставили, а о-го-го какие!

– Дядя Кондратий, а ты нам покажи, как правильно быть должно, а то мы скорчим рожу какую, а тебе не по нраву будет, – с ехидцей предложил малохольный парнишка Санька Быстров.

– Я тебе счас покажу! Так покажу, что ты у меня до конца дней своих помнить будешь, – не на шутку взъярился отставной солдат. Он подскочил к застывшему от испуга пареньку и не мешкая прихватил его за ухо. Тот заверещал ни столько от боли, сколько от страха и завопил на всю людскую:

– Дяденька Кондрат, отпусти, я больше так не буду!

– Чего не будешь? Говори, крапивное семя.

При этом все собравшиеся в людской молодые парни так и прыснули со смеха. Большинство из них недолюбливали тех, что спешили, когда не надо, выскочить вперед с дурацкими

вопросами, отчего перепадало не только им самим, но бывало и всем остальным тоже. Кондратий, чуть подержав парнишку за ухо, вlepил ему по шее затрещину и вернулся на свое место под висящими в углу иконами, откуда подбоченься продолжил:

– Значит так, ежели кто еще посмеет перебить меня или начнет нести всякую отсебятину, я того охальника уже не за ухо потяну, а по зубам врежу, чтоб он рот свой более не разевал. Все поняли?

Собравшиеся единодушно промолчали, зная крутой нрав отставного солдата, поскольку на себе изведали его зуботычины, которыми видать нередко потчевали его самого за время воинской службы.

– А теперича, – продолжил тот, – гвардейцы мои, слушайте мою команду: все чернявенькие встают по правую от меня руку, а у кого волос белесый, иначе говоря, льняной, те по левую.

Дворня, озадаченная подобным распоряжением, постепенно пришла в движение, и все начали бурно перемещаться, с одной стороны на другую, не совсем понимая, чего от них требуется. При этом и черненькие и беленькие впопыхах перемешались так, что и справа и слева образовалась сплошная мешанина и задуманного Кондратием разделения не вышло. Он же, видя бестолковость собравшейся дворни, злобно чертыхнулся, топнул ногой и громко гаркнул:

– Вам как сказано встать? Беленьким на один фланг, а чернявым на другой. Вы же, как телята неразумные, всю кондицию мне спутали. Придется каждому его место определить. А ну, Андрюха, айда сюда, а ты, Павлушка, брысь на его место...

Так постепенно, вызывая каждого поименно, он в конечном итоге добился своего.

– Теперича слушайте меня дальше. Эй, Петрушка, тащи сюда льняную пряжу, что приготовлена на печке лежит.

Юркий и сообразительный мальчонка, сын горничной Глафиры мигом принес ему пук льняной пряжи. Кондратий принял его в обе руки, положил на стол и стал отделять от нее небольшие щепотки, вручая их каждому стоящему мужику или парню.

– Зачем нам она? – с недоумением спросил все тот же Гаврюха Мальцев. – Мы поди не бабы, чтоб лен прясть...

Вслед за ним загудели и остальные мужики, а кто-то даже бросил врученную ему пряжу на пол.

– Слухай меня, чего скажу, – грозно повысил голос Кондратий, – велено всех вас наряжать в казачью одежду. Одежда готова, на всех хватит. Имеются и сабли, со старых времен у хозяев наших сохраненные, их тоже выдам каждому, как срок придет. Но известно ли вам, остолопам, что все казаки должны быть при усах, без чего их никто на службу брать не станет. Так что кудельку ту, вам данную, заместо усов прищлепните себе под нос, на верхнюю губу. Кто белесый, тем красить ее не требуется. А вот чернявые в деготь ее обмакнете, а как он обсохнет за ночь, тогда тоже лепите куда положено.

– На что же нам кудельку ту лепить? На хлебный мякиш что ли? Так отпадет он вскорости, – поинтересовался кто-то из парней.

– Мякиш не потребуется. Имеется у меня для тех целей клей рыбий, недавно сваренный. Вот на него и будете лепить усы ваши, – пояснил Кондратий.

– Знаем мы энтот клей, потом усы вместе с кожей отдирать будем...

– Мы так не согласные, – раздались с разных углов голоса.

– А тем, кто хозяйское распоряжение не исполнит, приказано на свадьбе ни вина, ни пива не наливать. Точнехонько говорю, – укротил назревавший бунт Кондратий, – а как их отлепить, могу прямо сейчас присоветовать.

– И как же? Сказывай, мы послушаем...

– Да тем же самым пивом. Помочите в нем свои усы поклеенные, они и отстанут.

– Шутишь, дядя Кондратий...

– А ежели нет, тогда как быть?

– Тогда будешь с куделькой своей ходить, пока настоящие усы не вырастут. Все на том. Шагайте отсюда, а то надоели мне хуже горькой редьки.

Мужики и парни, подсмеиваясь друг над другом, повалили вон, оставив уставшего от своих командирских обязанностей Кондратия в полном изнеможении. Чуть посидев, он, недолго раздумывая, отправился на кухню, где отыскал повариху Клавдию и, втягивая носом аромат, исходящий от стоявшего на огне объемистого чугунка, поинтересовался:

- Перекусить есть чего?
- Да уж найдем...
- А ежели чего покрепче?
- Можно и покрепче, пока никто из хозяев не появился.

Глава двенадцатая

– О себе не забудь, – усмехнулся Кондратий, усаживаясь на лавку у окна.

...Ночь перед венчанием Иван Павлович провел без сна. Его мучили воспоминания о том, как он прощался с Анютой, дочкой местного благочинного Артемия, с которой они были дружны с детских лет. Их родители давно поговаривали о том, что дети будут счастливы, коль в скором времени поженятся. А самое главное, Иван Павлович обещал девушке, что заберет ее, как только обоснуется в Тобольске. И все ее письма говорили о том, что она ждет его, и отец с матушкой часто интересуются, скоро ли он приедет.

Но в то же время, продолжая думать об Анюте, он не мог отказаться от Маши, каким-то непонятным образом проникшей в его душу, ставшей в короткий срок близкой и дорогой, а если сказать честно, то единственной и желанной.

Он пытался успокоить себя тем, что Анюта была всего лишь юношеским его увлечением, скорее несерьезным, проходящим, как осыпаются лепестки распустившихся цветов, на месте которых вскоре образуются плоды, служа новым продолжением устаревающего со временем побега. Но, в то же время, было ему известно, далеко не каждый цветок созревает до полного плода, а часто бывает сожжен солнцем или убит ранними холодами. Да мало ли еще причин, когда молодая завязь гибнет, не набрав полной силы.

Вот и в своем случае он усматривал некое постороннее вмешательство, из-за чего прежние его мечты не сбылись и лишь где-то глубоко в душе остался шрам, время от времени напоминающий о себе. А как его изжить, не замечать болезненных напоминаний, то ему было неизвестно.

Потому непреходящее чувство вины заставило его взять чистый лист бумаги, обмакнуть перо в чернильницу и вывести первое, что пришло на ум: «Анюта, дорогая, прости меня, и, если сможешь, забудь все, что между нами было. Напишу, когда хватит сил...»

После чего из глаз его неожиданно выкатилось несколько слезинок, и он, кусая губы, прошептал, боясь, не услышит ли кто: «Анюта, я не хотел...»

Он и сам не понимал, как впервые в жизни не сдержал данное кому-то слово; не представлял, что он скажет на исповеди; как будет смотреть в Машины глаза, которая наверняка обо всем догадается и вряд ли когда его простит.

...Тем временем няня Марии Дмитриевны, взрастившая и воспитавшая ее после смерти матери, когда Маше было не более двенадцати лет, готовила, находившуюся на задворках господских владений баньку. Этот обычай париться перед свадьбой, она унаследовала еще со времен своей юности. Паша, как ее обычно звали, подмела в баньке пол, пошевелила щипцами на длинной рукояти раскаленные на огне камни, выбрала один и опустила его в шайку с водой. Тут же поднялся густой пар, окутавший белесыми клубами прокопченное до черноты невысокое строение, отчего лицо ее покрылось капельками влаги, и она поспешила прикрыть его своим фартуком и тут же выскочила в предбанник, где вздохнула полной грудью холодный воздух. Чуть остыв, она отправилась в господский дом за поджидавшей ее там воспитанницей.

Маша в это время примеряла подвенечное платье, принесенное специально нанятой портнихой. Ее наряд состоял из двух частей: на тело надевалась тонкой выделки белая рубаша с вышивкой на груди и рукавах, а поверх ее уже шел голубой шелковый сарафан на лямках, сшитый из нескольких кусков ткани.

Поглядев на себя в старинное, чуть помутневшее зеркало, она была немного разочарована обыденностью своего наряда. К тому же ей казалось, что рубаша слишком велика, а сарафан наоборот узок, из-за чего трудно было дышать. Она уже жалела, что обратилась к старой портнихе, шившей по-старинному, в то время как не так давно в городе появилась другая мастерица, выдающая себя за француженку. Потому все состоятельные дамы обращались к

ней. Но теперь было поздно что-либо менять, к тому же она не знала, с кем ей можно посоветоваться на этот счет.

На ее беду к ней в комнату заглянула вездесущая Агриппина Степановна, вечно что-то разносывающая, а потом разносившая по дому всевозможные слухи и сплетни. Увидев Машины приготовления, она состроила обычную для нее гримасу, которая, как не трудно было догадаться, говорила о разочаровании нарядом ее племянницы.

– Ну, дорогая, вы так совсем на одну из своих дворовых девок стали похожи, – произнесла она плаксивым голосом.

Маша круто повернулась в ее сторону и неприязненно спросила:

– И чем же, если не секрет?

– Теперь такие наряды в высшем свете давно не носят, – ответила ее строптивая тетка.

– Нам далеко до высшего, как вы изволили выразиться, света. Мы в Сибири живем, если вы о том не забыли.

– Сибирь Сибирью, а придерживаться моды молодой девушке из уважаемой семьи всегда следует, – отвечала та, сделав губы трубочкой.

– И чем вам пришлось не по вкусу мой наряд? – подбоченившись, спросила не желавшая сдаваться Мария Дмитриевна.

– Позволю поинтересоваться, а чем вам самой эта крестьянское платье так в душу запало? Вы в нем ходите, простите за честность, на дочь деревенского старосты.

– Что же в том плохого? – наливаясь краской и сузив глаза, спросила ее девушка.

– Не к лицу вам перед людьми эдак срамиться. Вы, верно, не подумали, какая молва о вас по городу пойдет, когда вы в таком виде в храме покажетесь.

– Что же будет? Распнут меня или сожгут, как раньше с ведьмами и прочими вероотступниками поступали?

– Хуже, гораздо хуже. Вы можете лишиться расположения почтенных людей. Подумайте о своем будущем муже, ему-то как?

В ответ ее племянница громко рассмеялась, ответив довольно язвительно:

– Дорогая тетушка, вы бы лучше о себе подумали и своем собственном муженьке, о том, как те самые почтенные люди к вам и к нему относятся.

От этих слов Агриппина Степановна внезапно побледнела и попятилась назад, а потом зло ответила:

– Не смейте упоминать бедного Яшеньку. Что он вам худого сделал? Я к вам со всей душой, всего-то подсказать хотела, а что слышу в ответ?

– Спасибо, мы как-нибудь решим, какой наряд стоит носить, а какой нет...

В это время в комнату вошла Марфа Ивановна и при виде своей невестки громко шикнула на нее:

– Эй, убогая, ты чего здесь вынюхиваешь? Кто звал? Ну-ка, геть отседова, чтоб духу твоего здесь не было. Слышь, кому гутору?

От этих слов ее невестка и без того бледная, окончательно сникла, словно из нее выпустили весь воздух. Она что-то неразборчиво пролепетала в ответ и ринулась прочь.

– Какая нелегкая занесла эту пройдоху в твою опочивальню, – спросила хозяйка внучку. – С чем на сей раз пожаловала? Чует мое сердце – не с добром.

– Наряд мой свадебный оговорила, будто я в нем на кого-то из нашей дворни похожа. Выскочила, словно чертик из табакерки, и без нее забот хватает, – согласилась с ней Маша.

Марфа Ивановна внимательно оглядела Машино убранство, покачала головой, а потом сказала неодобрительно:

– Как ни ряди, а ведь согласна я с ней. И в самом деле, эдак только одни крестьянские девки одеваются в льняные одёжи. Чего это ты вдруг в него вырядилась? Неужели не могла иное что заказать по такому случаю?

– А ты, бабушка, знаешь, каких денег нынешние наряды стоят? Можно доброго коня купить, да еще и повозку в придачу к тому. Где нам их взять? С какого достатка?

– Могла бы для тебя и занять деньги у кого из старых знакомых, поди, не отказали бы.

– Любой займ возврата требует. Нет уж, обойдусь и тем, что имеем. Чем плох наряд мой? Бабы да девки тонкое полотно прошлой зимой сами наткали, на солнышке его выбелили, расшили узорчато. Да и поздно рядить о том. Что-то няни моей долго нет, – спохватилась она, – жду, когда банька поспеет.

– Давно готова банька, пора идти, – раздался голос Паши, что стояла молча в дверях, не решаясь перебить их разговор.

Марфа Ивановна лишь махнула рукой и со словами:

– Поступай как знаешь, – отправилась к себе, желая лечь спать пораньше.

В бане Маша вместе со своей няней пробыли недолго. Париться, как обычно, не пожелали ни та ни другая, словно обе куда-то спешили, хотя особых причин для этого не было. Вернувшись домой, Паша взяла костяной гребень и принялась расчесывать густые черные волосы невесты. Та сидела, закрыв глаза, думая о чем-то своем. Ее одолевало какое-то внутреннее беспокойство, словно перед дальней поездкой. Так путник всякий раз, прежде чем решиться идти дальше, собирается с мыслями, не зная, сумеет ли он добраться до цели. Любая дорога всегда манит, завораживает, обещая что-то новое, до сей поры неизведанное. Хотя случается, непредвиденная опасность подстерегает его, когда, казалось бы, он уже почти достиг своей цели и ему осталось пройти совсем чуть.

Так и предстоящее замужество, а вслед за тем совместная жизнь с человеком до этого совсем чужим и вдруг с этого дня ставшим близким, почти родным, пугала девушку, плохо представлявшую, как сложится их совместное существование.

Да, Иван Павлович был близок ей своей начитанностью, образованностью, некой строгостью, выдержкой. Но, в тоже время, именно эти качества пугали ее. Хотя бы уже потому, что он был старше, опытнее и она невольно робела в его присутствии.

Временами он казался ей человеком осторожным в своих поступках, даже нерешительным и холодным. Для нее гораздо ближе были люди открытые, в меру веселые и даже слегка бесшабашные. Такими были друзья ее старшего брата, часто бывавшие у них. С ними она бесстрашно каталась на санках с ледяных гор во время Рождества, водила хороводы, когда они выбирались в деревню, пела песни, каталась на лодке. Потому она плохо представляла среди них Ивана Павловича и даже чуть улыбнулась, подумав об этом.

Няня, словно прочтя ее мысли, спросила:

– Чему, Машуня, улыбаешься? Поди, о женихе подумала? Ты хоть скажи мне, он тебе по нраву или решила сбежать из родительского дома, лишь бы человек был хороший? Смотри, обратного хода не будет. Ой, не завидую я ему, зная тебя с молодых лет.

– Что же так? Или я чем плоха? Или никудышная хозяйка? – полушутя спросила та няню.

– Откуда мне знать. Коль захочешь, можешь любого осчастливить. Но вдруг что тебе не по нраву, тогда все, лучше поперек дороги не становиться.

– То верно, не нужно мне перечить, тогда все хорошо будет.

Теперь уже улыбнулась Паша, и, начав заплетать косы на голове своей воспитанницы, слегка дернула за одну из них, со словами:

– Нет, ты скажи, душа моя, что у тебя на сердце: жарко али холодно?

– Ой, Пашенька, сама не знаю, как ответить. Временами, будто бы как сегодня в баньке, жаром обдаёт, а порой вроде кто лед на сердце положил. Как с этим быть?

– То, хорошо, значит, жива душа твоя и боится суда божьего, ежели вдруг ошибешься в выборе своем. Иначе и быть не может. Но ты шибко не переживай, со временем все образуется, обустроится. Главное, мужу своему во всем доверься. К тому же я всегда рядышком буду, под

боком, подскажу, что да как, все и уляжется. Как матушка моя сказывала: перемелется, мука будет.

– А ты раньше никогда о своей матушке не вспоминала, расскажи, мне интересно.

– Да чего могу сказать... Добрая она была, ласковая. Посадит, бывало, нас деток своих к себе на колени, да и гладит по головкам, как я тебя сейчас. А потом плакать начнет. И мы за ней тоже ревом, пока все слезки из нас не вытекут.

– О чем же вы плакали? – удивилась Маша, обернувшись в сторону своей няни.

– Все о том же, о чем все простые люди плачут. О доле нашей горькой. Жили-то мы как тогда? Хлеба ржаного каравай на столе, да каша в мисках. Мяса совсем, почитай, даже вкуса его не знали. Может кто из соседей рыбки занесет, или птицу какую в лесу словит. А потом померла матушка наша. В город зачем-то пошла среди зимы, нас одних оставила на соседку, чтоб та приглядывала, а по дороге то ли замерзла, то ли волки напали или кто из лихих людей. Только больше мы ее живой не видели.

– А как же отец? Про него ты совсем не вспоминаешь. С ним что?

– Батюшку нашего еще раньше хвороба какая-то одолела. Мы тогда с братиком совсем махонькими были. Сказывали тетки деревенские, будто он работающий мужик был. Вот работа его и сгубила. Надорвался, мол. После матушкиной смерти братика моего отцовый брат взял к себе, так он у них и рос, пока своей семьей не обзавелся. А меня твоя покойная матушка, царство ей небесное, у себя приютила за вами ходить.

– Пашенька, милая, неужели тебя никто замуж не звал? Так ведь не бывает. Женихов на всех должно хватить.

От этих слов Паша лишь горько вздохнула и тихо ответила:

– Видать не на всех. Кому я нужна, сирота казанская, без родни, без приданого. Зазывали к себе парни, что побойчее, но до свадьбы дело так и не дошло. А я и не жалею. Мне при вас в доме и без того хорошо. Вы мне все, как родные стали. Вот обзаведешься своими детками, буду их нянчить да по хозяйству тебе помогать.

– Спасибо тебе, Пашенька. И я тебя родным человечком считаю, за все благодарна. Ой, вроде бы и спать пора, – потягиваясь проговорила Маша, – а сон не идет.

– Надо, надо поспать, чтоб завтра сонной тетерей не быть. Во сне сил накопишь, денек-то трудный будет, чай, не каждый день такое случается, – ответила няня. – Пойду и я к себе, а ты приляг, вот сон и придет.

Глава тринадцатая

...Иван Павлович проснулся от того, что первые солнечные лучи били прямо ему в лицо, освещая всю комнату ярким, праздничным светом. Незаметно для себя он уснул, сидя за письменным столом и сейчас, вскочив, долго разминал одеревеневшую шею, потом кинулся искать бритву, ощутив под рукой щетину на лице. Не прошло и часа, как он уже надел новый костюм и теперь, не зная чем заняться, начал бесцельно ходить по комнате. Вскоре это занятие ему надоело, и он пошел будить Семена Гаревского. Тот, как оказалось, еще и не думал вставать и был очень удивлен, увидев празднично одетого Менделеева.

– И куда это ты спешишь? – с улыбкой поинтересовался он. – Без нас все равно свадьбы не будет. Успеешь еще со своей невестой свидеться, у вас, как ни как, вся жизнь впереди.

– Просто не знаю, чем занять себя, – отвечал Иван Павлович, – волнуюсь, вот и встал пораньше.

– Я тебя понимаю. По-другому и не бывало. Ладно, проходи, присаживайся. Сейчас кликну кого, чтоб принесли нам что-нибудь перекусить.

– Знаешь, есть что-то не хочется. Скорее бы уж все закончилось, а то не по себе как-то.

– Нет, Иван, у тебя все только начинается и не скоро закончится. Крепись, брат, и это пройдет, как сказал очень давно один мудрый человек.

– Экипаж на сколько заказали? – присаживаясь к столу поинтересовался Менделеев.

– Как подъедет, тогда и узнаем...

Вскоре им принесли с десяток вареных яиц, свежий хлеб и кувшин молока. Пока они завтракали, неожиданно появился Лафинов. По его измятому лицу было видно, что накануне он, судя по всему, изрядно выпил и теперь его мучила жажда. Молча кивнув, он налил себе в пустую кружку молока, жадно выпил и спросил, облизывая губы:

– Скоро ехать? Может пешком проще дойти? Тут ведь рядом совсем...

– Никак нельзя – жениху пешком, а то придется потом всю жизнь на себе жену возить, – пошутил Гаревский.

– Неужто, правда? – удивился тот. – Тогда, конечно, придется ждать. Пойду на улицу, а то денек нынче жаркий, душно тут у вас.

Менделеев с Гаревским переглянулись, и со вздохами проводили его взглядами.

– Ведь говорили мне, чтоб не брал его дружкой на свадьбу, так нет, не послушал, – сокрушенно покачал головой Менделеев. – А он, как погляжу, что ни день, то под хмельком. И чего ему не хватает?

– А директору нашему, чего не хватает? Не скажешь? Пьет никак не меньше.

– Да... Я думал только мужики с горя или там от тоски из кабака не вылазят, а тут солидные люди, учителя и вот те на...

За разговорами не заметили, как прошло время, а когда солнце поднялось совсем высоко, и летний день вступил в свою силу, они услышали чей-то зычный голос и скоро к ним постучали. На пороге стоял принаряженный мужик, в котором Иван Павлович без труда узнал кучера, возившего их не так давно в Ивановский монастырь.

– Экипаж готов, – сообщил тот, придиричиво оглядывая комнату, где они находились. А потом неожиданно поинтересовался: – Здесь что ли с барыней жить собираетесь? Неуютно как-то у вас, по-казенному все...

– Не твое дело, дубина, – осадил его Гаревский, – иди лучше за своим конем смотри, а мы скоро будем.

Кучер, обиженный его словами, лишь сверкнул глазами и вышел.

Через какое-то время они втроем направились к дому Корнильевых, где на крыльце их поджидало десятка два разодетых празднично дворовых. Мужики и парни были наряжены

казаками с приклеенными изо льна усами, а в руках каждый сжимал начищенные по такому случаю клинки. Завидев прибывших, они встали в два ряда, скрестив свое оружие друг с другом и загородив таким образом проход к дому и дружно затаили:

– Эй, эй, эй! Вот не ждали мы гостей.

Коль хотите, проходите,

Только денежку кладите...

Накануне Кондратий успел договориться со своими сослуживцами, и они привели двух трубачей и барабанщика с инструментами, которые звуками полковой музыки поддерживали поющих, создавая невероятный шум, от которого закладывало уши.

Гаревский и Лафинов расторопно одаривали ряженных казаков припасенными по этому случаю мелкими монетами и те, словно нехотя, получив каждый свою мзду, пропускали жениха и его друзей. Но неожиданно у самых дверей их встретили несколько пожилых баб с метлами наперевес. Они выставили свои орудия, как солдаты штыки и требовали изрядный выкуп за невесту. Мелкие монеты, что им были предложены, они принимать никак не желали, пришлось выложить серебряные рубли, после чего их впустили в дом.

Войдя внутрь, Иван Павлович увидел в глубине гостиной стоявшую в подвенечном платье Марию Дмитриевну, а рядом с ней Дмитрия Васильевича, с трудом удерживающего в руках большую потемневшую от времени икону в серебряном окладе. По лицу старика текли слезы, но он при этом радостно улыбался и негромко произнес:

– Хочу вас благословить, дети мои. Живите дружно и господь вас не оставит.

Тут не выдержала Маша и кинулась целовать его со словами:

– Батюшка, дорогой ты наш, спасибо тебе за все, жаль, что матушка наша не дожила до этого дня...

Иван Павлович обратил внимание, что его невеста выглядела бледной и несколько неуверенной в себе. К тому же ее свадебный наряд удивил его. Он отличался от всех, какие ему приходилось видеть до этого на других невестах, поскольку напоминал крестьянскую одежду и в тоже время на Маше он смотрелся празднично, подчеркивая стройность фигуры и смуглый цвет лица. Рядом стоял ее брат, а чуть позади Марфа Ивановна, утирая обильно текущие по ее лицу слезы.

Когда они вышли на крыльцо, то там их встретил дружный женский хор, исполнявший старинную песню, которую обычно пели на свадьбах:

Как над Иртыш-рекой
Летит лебёдушка
Теряет силушку,
Роняет пёрышки.
Пришла пора её,
Где выбрать гнёздышко.
Вот только ей одной
Нет сил свить гнёздышко,
А перед ней стоит
Ох, бережок крутой,
А позади кружит
Соколик молодой.
И нету, нету мочи-сил
На бережок взлететь,
А соколок молодой
Её готов подсесть.
Упала на берег бела лебёдушка

И на речной песок пролилась кровушка...
Ох, Маша, Машенька,
Знать такова судьба,
Что с женихом твоим
Тебя навек свела...

Венчание прошло как-то обыденно и невыразительно. Иван Павлович во все глаза смотрел на свою невесту, теперь уже жену, торопливо вслед за батюшкой повторял слова молитвы и чуть не уронил с головы брачный венец, который тут же заботливо подхватил Василий Корнильев. После того как они обменялись кольцами и выслушали слова благословения, пешком отправились в дом Корнильевых.

На свадьбе они сидели рядом так и не проронив ни слова, и лишь время от времени обменивались счастливыми взглядами, мечтая как можно быстрее остаться вдвоем. Наконец гости разошлись, и, попрощавшись с родными, они, держа друг друга за руки, отправились в учительский дом, где их ждала заранее приготовленная квартира, пусть и небольшая, но все же из трех комнат, как и обещал директор.

Зайдя внутрь, они, не говоря ни слова и отвернувшись в разные стороны, разделись, потом, все так же молча, легли в постель. Чуть полежав, Иван Павлович притянул к себе новоиспеченную жену и уловил запах, исходящий от нее, несущий в себе девичью свежесть и непередаваемое словами обаяние. Дальнейшее оба они помнили смутно. Ивану Павловичу казалось, что он вдруг поднялся в небо на легком облаке, ощутив во всем теле невесомость и небывалое блаженство. Потом он резко рухнул вниз и застонал, еще не понимая, что с ним происходит. Открыв глаза, он увидел жаркие Машины губы и накрыл их своим поцелуем.

Маша, чувствуя тяжелое дыхание мужа, обхватила его обеими руками, притянула к себе и прошептала:

– Ванечка, милый мой, ты не представляешь, как мне хорошо. Ты такой сильный и ласковый. Я много думала, как это случится, даже боялась, но никак не ожидала, что будет так хорошо.

– Чего это? – спросил он, переворачиваясь на спину. – Ты говоришь загадками, разъясни мне темному.

– Извини, но я не знаю, что ответить. Просто хорошо и ни с чем не могу это сравнить.

– Может и не нужно ни с чем-то сравнивать? Я и без этого тебя понимаю. Ты – чудо. Твои раскосые глаза говорят все за тебя. Так что слова – это лишнее.

– Как ты сказал? – встрепелась она.

– Что именно?

– Про мои глаза. Я не поняла.

Он засмеялся и вновь поцеловал ее.

– Они у тебя рас-ко-сы-е, – повторил он по складам, – полагаю, кто-то из твоих предков происходил из местных инородцев.

– Ах, вот ты о чем. Я пыталась узнать у бабушки, но она не захотела отвечать. А вот мой брат считает, что наш прадед происходил то ли из башкирцев, то ли из киргиз-кайсаков. Так что ты верно подметил. Да, мои предки были из числа инородцев. Тебя это смущает?

– Ничуть. Наоборот, даже любопытно. Не подозревал, что моя жена будет чуть-чуть не русская.

– Как это, чуть-чуть? – Маша сделала вид, что обиделась. – Я православная, а потому русская. Если точнее – сибирячка.

– Да мне совершенно все равно, кто были твои предки. Вот о своих мне ничего не известно.

– Главное, что не людоеды, – засмеялась Маша.

– Ты права, – отозвался он зевнув, – что будем делать? Можно пойти погулять, а можно поспать.

– Знаешь, гулять мне как-то не хочется, устала. Да и спала плохо. Лучше закроем глаза и... до утра.

– Как скажешь, дорогая. А я вообще вчера за столом уснул и поднялся ни свет ни заря. Так что? Спим?

– Спим, – отозвалась она, и нежно чмокнула мужа в щеку.

То был самый жаркий день в памяти Ивана Павловича из всех прожитых им к тому времени лет. Внутренний жар словно испепелял его, просясь наружу, готовый выплеснуться вон и обжечь любого стоящего рядом. И природа повторяла тоже самое, словно собиралась испепелить все вокруг. Уже с утра в городе было невыносимо душно, будто в жарко натопленной комнате, когда забывчивый, а чаще небрежный истопник переложил в печь дров, истратив весь запас, припасенный на целую неделю.

Идущие по улице прохожие тяжело дышали, вбирая в грудь раскаленный воздух, обмахивались кто кружевным платочком, кто снятой с головы шляпой, а многие просто сломленной прямо на ходу ветвью. Кони, запряженные в телеги, шли тяжело ступая, будто тащили непосильную ношу. У них не было сил даже взмахом хвоста отогнать от себя полчища беспощадных насекомых, жалящих в голову и тело. Пыль от их копыт повисала в воздухе, не спешила опускаться обратно на землю и ложилась тонким слоем на лица и одежду людей и усталых животных.

Хозяйки поплотней задерживали на окнах выцветшие от палящего солнца занавески, spryskivali пол в доме водой, мигом высыхающий, и не спасая при том от всепроникающего жара. Вышедшие на покос мужики к вечеру, не стесняясь своей наготы, сдирали с себя прилипшие к телу рубахи, втыкали в растрескавшуюся землю косы и прятались, кто в шалаши, а иные укрывались от палящих лучей на опушке ближайшего леса, а если повезет, бежали босиком к ближайшему ручью или речке. Наконец солнце, насладившись своей беззаконностью и властью над миром, видимо тоже устало, решило передохнуть и медленно стало опускаться вниз, прячась в невесть откуда выползающие тучи. Все живое вокруг облегченно вздохнуло, не выказывая при том особой радости, зная, что и завтрашний день должен быть таким же знойным и невыносимо жарким. А тучи постепенно скапливались и напознали на полуобморочный город, словно полчища неожиданно явившихся завоевателей, чтоб в самый подходящий момент обрушить вниз колющие иглы дождевых струй, примять высохшую траву, ударить тысячами молоточков по крышам, напитать истосковавшуюся по влаге землю и так же неожиданно приостановить выброс своих животворных струй, чтоб убраться восвояси и скопить новые силы для предстоящего сражения между огненной и водной стихиями.

Глава четырнадцатая

...Прошло несколько дней. Молодые потихоньку налаживали свой быт. По вечерам они обычно недолго гуляли или что-нибудь читали вслух. Обедрами занималась улыбчивая Паша, а уборку в комнатах приходила делать молодая девушка Акулина Федотова, живущая по-прежнему у своих бывших хозяев, хотя они и подписали ей вольную.

Однажды, довольно рано к ним в дверь кто-то постучал. Открывать пошел Иван Павлович и очень удивился, увидев стоящего перед ним полицейского, в котором он без труда узнал, встреченного им зимой по приезду в город стража порядка. Тот смущенно переминался с ноги на ногу, не решаясь войти.

– Прошу великодушно простить, но вот начальство снарядило меня, как говорится, по вашу душу...

– Зачем же им моя душа потребовалась? – насмешливо спросил Менделеев. – Входите, входите. Гостям мы всегда рады.

Полицейский, осторожно ступая своими сапожищами на чисто вымытый пол, подошел к столу и осторожно присел, не снимая с головы шапку с форменной кокардой.

– Да, со свадьбой вас, – спохватился он.

– Вам и это известно, – удивился Иван Павлович. – Впрочем, совсем забыл, где вы служить изволите. Простите, напомните мне свое имя-отчество, а то столько времени прошло, запамятовал.

– Пристав второго участка Вахрушев Елизар Иванович, – вскочив на ноги, отрекомендовался тот.

– Понятно, – кивнул Менделеев, – и с какой такой стати скромный учитель понадобился вашему начальству? Может за мной какая провинность имеется? Спешу услышать, но, скажу честно, ничего такого за собой не замечал.

– Не извольте беспокоиться, ни о ваших грехах пойдет речь, иначе бы ни меня за вами отправили, а пару стражников. Имейте терпение, сейчас обскажу все, как есть, – успокоил его тот. – Вас лично дело наше не касается, скорее наоборот, хотим вашей помощи попросить. Я же помню, как во время нашей первой встречи вы помогли мне вора, что Карасем прозван, сыскать.

– И я о том пока не забыл, – согласно кивнул Менделеев. – Неужели он опять что-то натворил и вы без меня его отыскать не можете?

– Нет, в этот раз ни в нем дело, тут случай особый.

– А ведь я того вора совсем недавно встречал, когда он крутился возле лавки местного ювелира. Я там со своим сослуживцем как раз брачные кольца присматривал. – И он показал правую руку, где на безымянном пальце поблескивало обручальное кольцо.

– Не может быть! – воскликнул пристав. – Неужели ему купеческих лавок мало, где товаров всего-то на копейку, и он перекинулся на что иное?! Да, к слову сказать, к нам на той неделе как раз ювелир обратился. Говорит, будто кто-то пытался его лавку вскрыть, да, видать спугнули вора или замки ему не по силам оказались.

– И что вы тому ювелиру ответили?

– А что мы могли сказать? Отправили его восвояси, потому как кражи не было, а значит и говорить не о чем.

– Понятно, – протянул Менделеев, – будете ждать, когда ограбят бедного старика. Но неужели вы ко мне из-за этого пожаловали?

– Никак нет. Тут иная история. Даже не знаю с чего начать, – пристав наконец снял с головы шапку и вытер вспотевший лоб, после чего продолжил. – Задержали мы на днях одного мужика подозрительного. Вроде и паспорт при нем, и ни в чем худом он не замечен, но вот

видели его несколько раз, то на берегу возле переправы, то на базаре, то возле тюрьмы каторжной. Запомнили, нам донесли, мы его, голубя, привели под белы ручки в участок, допрос устроили...

– И что, – нетерпеливо поинтересовался Менделеев. – Я к нему какое отношение имею? Может, спутали меня с кем?

– Дайте договорить. Вот наш начальник, когда я про вас ему рассказал, велел попросить милостиво, чтоб поговорили вы с ним...

– С кем? С вашим начальником? О чем и зачем мне с ним говорить? Что-то я вас, дорогой Елизар Иванович, никак не пойму.

– Нет, с начальником нашим говорить не требуется, а ежели что, он вас к себе сам попросит. Пока он желает, чтоб вы с мужиком тем, который у нас в кутузке сидит, потолковали.

– Все одно не пойму, о чем мне с ним говорить следует, когда на то вы есть и как в том помочь могу?

Пристав в расстройстве хлопнул ладошкой по столу, выдохнул воздух и начал снова:

– Думаем мы, не тот он человек, за кого себя выдает, не зря он возле тюрьмы околачивается...

– И что с того? Мало ли, куда тот или иной человек пойдет. Вот я, к примеру...

В это время Мария Дмитриевна, стоя в соседней комнате, внимательно прислушивалась к их разговору. Насторожилась и Паша, которая, судя по всему, никогда не имела дел с полицией и на ее лице читался страх.

– Что, страшно стало? – спросила ее Мария Дмитриевна.

– Еще как. Чего это он вдруг к вам заявился? Неужели мужа вашего увести может? Вот меня страх и берет. Я их, околоточных, ежели на улице встречу, спешу спрятаться где. Или на другую сторону перехожу.

– Нечего их бояться, они только воров да разбойников ловят, а мы – люди честные. Потому до нас им никаких дел не должно быть.

– Чего же он тогда пожаловал? Никак не пойму! И вот ведь сидят, говорят с Иваном Павловичем, будто старые знакомые.

– То он о другом человеке говорит, что у них под караулом находится. Вот и просят Ивана Павловича побеседовать с ним.

– Зачем? – опять не поняла та.

– Ой, откуда я знаю. Выйду, однако, я к ним, а то они еще битый час будут воду в ступе толочь.

С этими словами она решительно шагнула в комнату, служившую им одновременно гостиной и столовой, и сдержанно поздоровалась с полицейским. Тот, поднявшись, поприветствовал ее и вновь сел на место.

– Не помешаю? – спросила Мария Дмитриевна. – Если у вас какие секреты, то мы с прислугой можем пойти прогуляться.

– Какие у нас могут быть секреты? – затряс головой пристав. – К слову сказать, я ведь с вашим батюшкой знаком. Как его здоровице будет?

– Спасибо, все так же – ответила она, а потом, положив руку на плечо мужа, спросила: – Ничего, если послушаю, о чем вы тут беседуете? Может, полезной в чем окажусь. А тот вы, как посмотрю, друг дружку понять не можете.

Иван Павлович вопросительно глянул на своего собеседника, тот благодушно кивнул, промолвив:

– Ну, конечно. Почему бы и нет. Никаких особых секретов от вас не имеем.

– Я так понимаю, – быстро взяла в свои руки нить разговора хозяйка дома, – что вы предлагаете моему мужу побеседовать с одним человеком, чтоб установить, тот ли он, за кого себя выдает. Правильно поняла?

– Истинно так, сударыня, – согласно кивнул пристав, – об этом и речь.

– Ванечка, – обратилась она к мужу, – что тебе стоит дойти до полицейского участка и побеседовать с тем человеком? Тем более, что тебя об этом просит сам господин пристав.

– Вот именно, – поддакнул тот.

– Я одного не пойму, – не сдавался Иван Павлович, – о чем именно мне с ним беседовать? К тому же сам я не имею к тому никакого желания.

– Ванечка, пожалуйста, не нужно доводить все до крайности. Зачем отказывать, если тебя просят.

– Мы можем оплатить ваши услуги. Не много, разумеется, но, думаю, вам это никак не помешает, – пообещал пристав.

То ли уговоры жены, то ли обещанная плата возымели свое действие, но в конечном итоге Иван Павлович дал согласие и вскоре вместе с приставом Вахрушевым они вышли из дома. Пока ехали к участку, пристав рассказал вкратце о пойманном ими ранее мужике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.